

The background of the cover is a stylized illustration. It depicts a perspective view of a city with tall, dark, cylindrical buildings. A path leads from the foreground into the distance. A small figure of a person with white hair and a brown vest stands on this path. The scene is filled with falling brown leaves and a single black feather. The overall color palette is muted, with greys, browns, and a touch of yellow for the title.

Элеонора Деви́льнуа

ГОРОД БЕЗ ВЕТРА

Дочь леса

Город без ветра

Элеонора Девилюа

Дочь леса

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Девильпуа Э.

Дочь леса / Э. Девильпуа — «Эксмо», 2020 — (Город без ветра)

ISBN 978-5-04-159156-4

Адамантовый купол Гипербореи расколот. Безветренные дни позади, а жителей города вечного солнца теперь терзают снегопады и жестокий холод. Арка. Открыв страшную тайну своего прошлого, девушка сбегает из Гипербореи. Назад дороги нет: ее путь пролегает через тысячелетние ледники к лесу амазонок, где магия под запретом. Но даже там она не может скрыться от проклятия василевса. Ластианакс. После убийств министров город остался без правителей. Везде царит хаос, а ученица юного мага бесследно исчезла. Выбирая между благополучием страны и своими близкими, Ластианакс должен принять невероятно трудное решение, потому что теперь магия его не спасет. Она бежит от прошлого. Он пытается исправить чужие ошибки. И только лес может стать их убежищем. Если, конечно, амазонки, обитающие в нем, не пожелают отомстить...

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-159156-4

© Девильпуа Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
1	16
Пифон	16
Алькандр	18
2	24
Арка	24
Ластинанакс	28
Арка	31
Петрокл	32
3	37
Арка	37
Эмброн и Тетос	44
Пирра	47
Алькандр	53
4	57
Арка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Элеонора Девильпуа

Дочь леса

«Твоя сестра имеет право на цитату, а твоя дорогая мама, которая тебя вырастила и прочитала все варианты твоей книги, — нет?»

Патриция Девильпуа, 2020

Éléonore Devillepoix

La ville sans vent vol. 2. La fille de la forêt

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Illustration de couverture: © Guillaume Morellec

© Hachette Livre, 2020

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Итак, вы возвращаетесь в «Город без ветра». На случай, если события первой книги стерлись из вашей памяти, ниже вы найдете краткие сведения о главных героях.

Перечень остальных персонажей и глоссарий ждут вас в конце романа.

Арка

Юная амазонка, прибыв в Гиперборею, стала ученицей, была приговорена к смерти за убийство василевса, правителя города. С трудом избежала гибели и покинула город, дабы вернуться в Аркадию, к своему народу.

Ластинанакс

Молодой маг, наставник Арки и бывший министр усреднения; покинул город, отправившись на поиски своей ученицы.

Петрокл

Лучший друг Ластинанакса, оказался среди магов, взятых в заложники и заключенных в гиперборейскую тюрьму группой неизвестных амазонок.

Пирра

Девушка-маг, осталась в Гиперборее, чтобы вызволить Петрокла и других заложников.

Алькандр

Загадочный повелитель лемунов, истинный виновник гибели василевса и организатор пленения магов.

Пролог

Случай на реке

Кандри только-только исполнилось семь лет, когда начался день, изменивший ее жизнь.

В тот день она проснулась раньше обычного. В лесу занимался рассвет; за глинобитной стеной ее спальни, крохотной комнатки длиной в два шага и шириной в один шаг, в которой едва-едва помещался ее гамак, все шелестело, пело, кричало. В этом привычном шуме выделялось какое-то монотонное постукивание. Девочка не сразу стряхнула с себя дремоту, ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это кобыла ее матери нетерпеливо бьет копытом по загону у подножия их дерева-хижины. Накануне Кандри забыла покормить лошадь.

Если мать узнает об этой оплошности, то отвесит ей крепкую пощечину. При мысли об этом Кандри мгновенно проснулась, проворно вывалилась из гамака и приподняла занавеску, отделявшую ее спальню от главной комнаты. В этой узкой, неровной комнате, зажатой между основными ветвями дерева, на котором располагалась хижина, было еще темно. К счастью, Кандри знала это место как свои пять пальцев и могла с закрытыми глазами пройти туда, куда нужно. Деревянный пол не скрипел под ее ногами, пока девочка кралась через загроможденную военным снаряжением комнату и чутко прислушивалась – не раздастся ли из спальни какой-то резкий звук. Из-за занавески доносилось тихое похрапывание: мать еще не проснулась. Повезло.

Из главной комнаты девочка выбралась на террасу, где лежали большие бревна: на них Темис с матерью в свободные часы сидели и курили трубки. Этот помост находился на краю леса, под редкими ветвями огромных эвкалиптов со светлыми стволами, во множестве произрастающих в лесу амазонок. Когда ей случалось рано вставать, Кандри любила взбираться на крышу хижины – посмотреть, как над бесконечным морем зеленых, колышущихся на ветру листьев зарождается рассвет. Однако сегодня ей нужно было торопиться, чтобы исправить вчерашнее упущение.

Она проскользнула в люк, ведущий на лестницу. Железные шипы, вколоченные в дерево через равные промежутки, спиралью обвивали ствол. Малейшее неверное движение привело бы к головокружительному падению с высоты в пятьдесят шагов. Кандри спустилась вниз со всей беспечной поспешностью своих семи лет.

Оказавшись в нескольких шагах над землей, девочка отцепила висящий на одном из шипов мешок и стала бросать зерно в кормушку; стоявшая внизу кобыла неодобрительно зафыркала и склонилась над едой, так что последняя пригоршня рассыпалась по ее черной гриве.

Кандри с завистью смотрела на рыжеватую спину животного, разделенную продольной полосой. Мать не позволяла ей кататься верхом, утверждая, что боевой конь слишком опасен для наездницы ее возраста. Кандри тихо позвала кобылу, но та проигнорировала ее и продолжила жевать зерно, время от времени отгоняя хвостом тучу утренних мух, норовивших ужалить лошадиный живот.

Разочарованная, Кандри медленно поднялась по лестнице. Влажный густой лесной воздух щекотал ей ноздри. Стайка какаду трясла ветви ближайшего эвкалипта, чтобы сбить с них плоды. Дерево-хижина росло на небольшом склоне, близ реки, настолько темной, что деревья, упавшие в нее, казались разрезанными ее поверхностью. Над спокойной водной гладью пенился парообразный туман, обреченный исчезнуть с первыми лучами солнца. По берегам реки буйствовали папоротники и мох, занимая все пространство между массивными древесными стволами.

Кандри уже одолела две трети лестницы, как вдруг услышала у себя над головой приглушенное постукивание. Сквозь трещины между досками террасы лился яркий свет, и эти лучи поочередно исчезали, поглощенные тенью, а затем снова появлялись: по площадке кто-то ходил. Еще через мгновение раздался знакомый скрип, подсказавший Кандри, что мать и Темис обосновались на своем любимом месте.

В желудке Кандри словно завязался тугой узел. Она ясно понимала, что оказалась в щекотливой ситуации. Если сейчас подняться на террасу, мать непременно спросит, зачем Кандри выходила, а если остаться внизу, ее хватят, но чуть позже. Нужно вернуться в хижину так, чтобы остаться незамеченной.

Девочка взобралась еще на несколько ступеней вверх, нацелившись на узкую ветку, протянувшуюся прямо под окном ее спальни. Взрослая женщина не смогла бы проделать такой акробатический трюк, но Кандри была проворной, как обезьянка, и очень подвижной. Итак, она перебралась на ветку. Ей в нос ударил едкий запах курительных трав, которыми Темис и мать набивали трубки.

Девочка ползла по гладкой круглой ветке, опасно гнувшейся под ее весом, как вдруг до нее долетели слова Темис:

– Ей уже семь лет. Ты же знаешь, что это не может продолжаться вечно.

Кандри замерла и наострила уши. Она еще никогда не слышала, чтобы о ней говорили таким серьезным тоном. Обычно взрослые упоминали ее имя равнодушно или с раздражением, после чего быстро заговаривали о чем-то другом: очевидно, эта тема их не вдохновляла.

Мать хранила молчание, как делала всякий раз, если Кандри просила у нее разрешения покататься верхом. Голос Темис зазвучал вновь, на этот раз еще настойчивее:

– С каждым днем риск разоблачения все выше. Чудо уже то, что никто до сих пор не раскрыл этот секрет. Если эфора узнает правду, вы обе умрете.

Кандри никак не могла взять в толк, о чем идет речь. О каком секрете говорит Темис? Что такое «эфора»? Девочка замерла, скорчившись на ветке на полпути к окну, напряглась всем телом, чтобы сохранять равновесие, так что заболели мышцы, и ждала, что будет дальше. Наконец мать произнесла:

– Я понимаю, что ты права, но никак не могу решиться. Мы продержались до сих пор, сможем выдержать еще несколько месяцев, может, даже несколько лет. Позволь мне еще немного пожить вместе с дочерью.

Раздалось потрескивание, а потом характерный свист, с которым трубка рассекла воздух.

– Ты совершаешь ошибку.

Голос Темис прозвучал как удар топора. Кандри продолжила свой путь по ветке и добралась до окна, нимало не заботясь о пропасти у себя под ногами. Подслушанный странный разговор не шел у нее из головы.

* * *

Если не считать настойчивых попыток Кандри отстаивать свое право на езду верхом, она еще никогда так не заикливалась ни на одной идее: ее всегда отвлекали другие интересные вещи. Спустя час она шла на занятия учениц, по-прежнему обдумывая загадочный разговор матери и Темис – свидетельство того, что сегодняшний день и впрямь был из ряда вон выходящим.

Путь от их дерева-хижины пролегал вдоль реки, одного из притоков Термодона. Нахмурившись, Кандри трусила по одной из многочисленных тропок, проложенных в подлеске, время от времени рефлексивно пригибаясь, чтобы увернуться от растущих по сторонам дороги кустов. Снаряжение ученицы – короткий лук, наполненный стрелами горит, и небольшое копье – покачивалось в такт ее бегу. Из-за позвякивания оружия и глубокой задумчивости девочка

не сразу сообразила, что позади раздавался стук копыт, поэтому лишь в последний момент поняла, что прямо на нее галопом несется лошадь.

Кандри отпрыгнула с тропинки, чтобы не оказаться под копытами, зацепилась ногой за пенек и растянулась во весь рост в зарослях гистамидов. Выпрямившись, она вскрикнула от досады: все ее стрелы высыпались в жгучую траву.

– Ты опоздала, Кандри!

Девочка вскинула голову и еще успела увидеть, как круп пони и длинная черная коса исчезают за стволом эвкалипта.

Антиопа никогда не упускала возможности поиздеваться над Кандри, но к полноценным военным действиям обычно переходила на публике, чтобы другие ученицы могли оценить ее ядовитые шуточки. Вдобавок царевна проявляла недюжинные таланты в боевых искусствах и верховой езде, и из-за этого Кандри ненавидела ее еще сильнее.

– Я тоже была бы грозной наездницей, будь у меня собственный пони, – пробормотала девочка, пытаясь достать стрелы из зарослей гистамидов и не обжечь еще и руки.

Она двинулась дальше, потирая бедра, на которых уже набухли красноватые волдыри. Во время занятий зуд становился все сильнее, так что Кандри не могла в полной мере сосредоточиться на стрельбе из лука. Барсиды, ее единственной подруги, сегодня не было: она сломала запястье во время урока рукопашного боя. Лишившись ее компании, Кандри обнаружила, что занятия стали и вовсе невыносимы. Она трижды промахнулась мимо мишени, так что стрелы улетели в заросли; наставница, обучавшая их стрельбе, отчитала девочку и выгнала, так что за окончанием урока Кандри наблюдала, сидя на краю поляны. Девочка уселась на пенек и, подперев голову руками, мрачно наблюдала, как упражняются ее сверстницы. Антиопа, как всегда, тренировалась на пару с Меланиппе, единственной ученицей, способной на равных противостоять царевне амазонок. Обе девочки понимали друг друга с полуслова и притягивали восхищенные взгляды остальных учениц.

Меланиппе, мать которой происходила из деревни илотов, расположенной недалеко от леса, походила на типичную обитательницу Аркадии: высокие скулы, смуглая кожа, тонкие черные косы, коренастая фигура и слегка раскосые, горящие непокорным огнем глаза. У Антиопы были миндалевидные светло-карие глаза, отчего в лице ее угадывалось что-то кошачье. Кандри периодически просила мать помочь ей заплести волосы, потому что сама не могла скопировать замысловатые прически царевны.

К тому времени, как тренировка подошла к концу, девочка до крови расчесала свои обожженные бедра и уже мечтала окунуть ноги в прохладную воду, чтобы унять зуд. Поэтому она с еще большей завистью, чем обычно, наблюдала, как ученицы собрали свои вещи и побежали играть к реке. Мать всегда строго-настрого запрещала ей плавать со сверстницами. Обычно, когда ученицы уходили к воде, Кандри проводила время с Барсидой, но сегодня подруга осталась дома из-за сломанного запястья.

Если бы Кандри не забыла накануне покормить кобылу, если бы не подслушала разговор матери и Темис, если бы вовремя услышала стук копыт пони Антиопы, если бы не упала в заросли гистамидов, если бы кожа у нее на ногах так не зудела, если бы Барсида составила ей компанию, возможно, девочка не нарушила бы запрет и не последовала бы за ученицами к воде. Однако все эти события произошли, и она присоединилась к своим сверстницам на берегу реки.

Стайка девочек собралась возле огромного эвкалипта, упавшего несколькими месяцами ранее прямо поперек реки, над потоком: девочки использовали мощный ствол для прыжков в воду. Все еще не засохшие, зеленые ветви эвкалипта зацепились за ветви деревьев на противоположном берегу, так что древесный гигант завис над волнами. Самые смелые ученицы поднимались по стволу, так что оказывались на высоте шести-семи шагов над землей, и прыгали ногами вперед в воду цвета обсидиана. Однако никто не осмеливался подниматься по стволу

так далеко, как Меланиппе и Антиопа: эта парочка каждый раз бросала вызов друг другу – кто заберется выше.

Пока ее сверстницы весело сбрасывали с себя одежду, раздеваясь донага, Кандри подобрала край туники и вошла в реку. По крайней мере, она не нарушила материнский запрет никогда не плавать. Прохладная вода тут же успокоила неприятный зуд. Девочка зашла в реку, так что вода доходила ей до середины бедер, и стала наблюдать, как другие ученицы прыгают со ствола эвкалипта в темные волны – впечатляющее зрелище. Кандри глубоко зарывалась пальцами ног в ил, ей отчаянно хотелось присоединиться к игре сверстниц, но она не смела ослушаться материнского приказа. Итак, она смотрела, как девочки раз за разом забираются на ствол дерева, мечтала, как сама поднимется выше всех, как поразит их своим смелым прыжком, как у всех в изумлении вытянутся лица. Если бы только ей позволили...

Так она и стояла возле берега, как вдруг кто-то грубо толкнул ее в спину. Кандри упала ничком, прямо в воду. Несколько мгновений она барахталась, но потом, отплевываясь, наконец выпрямилась; по ее лицу стекала вода, одежда вся вымокла, а прямо перед ней стояла Меланиппе и хохотала, указывая пальцем на незадачливую девочку.

– Кандри не умеет плавать! – заорала она и стала брызгать в Кандри водой.

– Неправда, я умею плавать! – запротестовала та, закрываясь руками, чтобы защититься от брызг.

– Тогда почему ты никогда не ныряешь с нами? – спросила Меланиппе и хитро прищурилась.

Она принялась водить руками по поверхности воды под самым носом у Кандри и плескать водой ей в лицо. Около тридцати учениц с живым интересом наблюдали за этой сценой, готовые в любой момент присоединиться к травле.

– Потому что моя мама этого не хочет, – пролепетала Кандри.

В ту же секунду она поняла, что не так следует отвечать компании жестоких девчонок, которые только и ждут возможности посмеяться над ней еще больше.

– Но я все равно пойду, – добавила она с вызовом и сплюнула в воду.

Удивленная, Меланиппе посторонилась, пропуская ее. Кандри наполовину подплыла, наполовину подошла к корням поваленного эвкалипта и вылезла из воды. Мокрая одежда облепила ее тело, вода стекала с нее ручейками, оставляя на стволе темные пятна. Девочка сделала шаг вверх, поскользнулась на мокрой коре и едва не упала навзничь, но отчаянно замахала руками и ценой огромных усилий сумела удержать равновесие. Плескавшиеся в воде ученицы засмеялись. Не обращая на них внимания, Кандри встала на четвереньки и полезла вверх по стволу, тщательно нащупывая руками и ступнями малейшие выступы коры, за которые можно зацепиться. Очень медленно, не отрывая взгляда от коры, она продвигалась вверх по стволу, решив во что бы то ни стало забраться выше Меланиппе и Антиопы. Она миновала последний участок ствола, политый водой, после того как тут побывали две предыдущие прыгуньи, и полезла дальше, внимательно глядя на кору и забыв обо всем вокруг.

Наконец она подняла голову и ощутила головокружение. Она почти добралась до кроны дерева. С такой высоты река походила на огромный черный язык, усеянный отражениями облаков посередине и деревьев по бокам. Оставшиеся внизу ученицы казались крохотными. Девочка видела, как они бьют светлыми руками по темной воде и кричат:

– Спускайся, Кандри, это опасно...

– Моя мама сказала, что поверхность воды может быть твердой, как камень, если прыгнуть с очень большой высоты...

Кандри чувствовала, как ускоряется сердцебиение. У нее побелели костяшки пальцев. Она никак не могла повернуть назад. Сквозь гул крови в ушах девочка слышала, как Антиопа закричала:

– Она ни за что не осмелится!

И тогда Кандри прыгнула.

Она успела отсчитать несколько секунд, прежде чем ее ступни ударились о воду. В нос девочке хлынула вода, над головой сомкнулись темные воды, и ее тело ушло на глубину.

Несколько мгновений она смотрела, как вырвавшиеся из ее рта пузырьки воздуха поднимаются к поверхности. Потом руки и ноги вспомнили движения, которым ее учили, и Кандри медленно всплыла к свету. Она вынырнула, жадно вдохнула воздух и удивленно огляделась по сторонам, протирая залитые водой глаза. Ее окружал круг потрясенных лиц. Потом грянули крики радости, раздался свист. Ученицы, подплывшие к тому месту, где Кандри вошла в воду, шумно превозносили ее подвиг.

На лице Кандри появилась блаженная улыбка. Никогда еще она не испытывала такой гордости, никогда еще не чувствовала себя такой сильной. Она подплыла к берегу и выбралась из воды под одобрительные восклицания своих сверстниц. На всех лицах читалось восхищение. Все девочки ее хвалили.

Все, кроме одной.

Антиопа явно разозлилась из-за того, что ее славу затмил кто-то другой. Она сидела на стволе эвкалипта, поигрывая длинной темной косой, которая внезапно стала похожа на хвост сердитой кошки: того и гляди цапнет потревожившего ее человека острыми когтями.

– Почему ты осталась в одежде, вместо того чтобы раздеться, как мы, Кандри?

Девочка похолодела. Она сдвинула колени вместе и повернулась к остальным. Двумя словами «как мы» Антиопа мгновенно напомнила, что Кандри всего лишь изгой, не чета другим ученицам. Девочки тут же забыли о ее великолепном прыжке и теперь посматривали на мокрую тунику Кандри, обмениваясь язвительными замечаниями, как будто наличие одежды вдруг стало достаточным основанием, чтобы исключить девочку из их общества.

– И правда, почему ты никогда не раздеваешься догола, Кандри? – поддержала подругу стоявшая на берегу Меланиппе.

Очевидно, ей тоже не понравилось впечатляющее представление. Кандри смотрела, как Меланиппе идет к ней, и крепче сжала край своей туники. От беспокойства в горле у нее встал огромный ком, а Меланиппе принялась выкрикивать:

– Раздевайся! Раздевайся! Раздевайся!

– Моя мама не хочет, чтобы я снимала одежду, – безуспешно попыталась оправдаться Кандри.

– Раздевайся! Раздевайся! – повторяла Меланиппе, обходя вокруг Кандри.

Она дернула за край намокшей туники Кандри. Другие ученицы тоже подхватили эту «песню», вылезли из воды и окружили Кандри и Меланиппе.

Антиопа осталась сидеть на стволе и еще сильнее стала похожа на довольную кошку. Остальные девочки распевали хором:

– РАЗДЕВАЙСЯ! РАЗДЕВАЙСЯ!

Вдруг Кандри почувствовала, как одна из девчонок хватает край ее туники и тянет вверх, так что ткань закрыла ей голову и прилипла к лицу. Ослепленная, Кандри ожесточенно попыталась освободиться, и тут поняла, что вокруг нее воцарилась странная тишина. Ее мучительницы разом замолчали.

Руки, державшие ее, исчезли. Кандри торопливо одернула тунику, а когда подняла голову, увидела потрясенное, сердитое лицо Антиопы. Царевна спрыгнула с поваленного дерева в воду и теперь смотрела на Кандри, злобно сощутив карие глаза.

– Ты не такая, как мы, – постановила она.

Стоявшая чуть поодаль Меланиппе с серьезным видом покачала головой:

– Моя опекунша – эфора, я все ей расскажу.

Когда час спустя Кандри вернулась домой, ее туника все еще не просохла. Мать, занятая починкой шкива на террасе, отложила инструменты, увидев, как из люка появляется ее дочь, в мокрой одежде, с грустным лицом.

– Что с тобой случилось?

– Я упала в воду, – солгала Кандри, отводя глаза, чтобы избежать внимательного взгляда матери.

Впрочем, она заметила, как мать сильно побледнела.

– Ты упала в воду в одежде?

Кандри решила не рассказывать матери о происшествии на берегу реки, но этот вопрос вновь живо напомнил ей о только что пережитых издевательствах. По ее щекам потекли крупные горячие слезы. Она попыталась их сдержать, ее лицо исказилось, подбородок задрожал, и слова вдруг полились из ее рта сплошным потоком, прерываемые судорожными рыданиями:

– Я не хотела идти на реку, но я очень сильно обожглась жгучей травой и пошла туда, потому что ты мне говорила, что от воды будет лучше. Я осталась в одежде, но Меланиппе и Антиопа захотели, чтобы я разделась, а потом они сказали, что я не такая, как они. Меланиппе сказала, что все расскажет своей матери и что ее мать эф... эфора...

Когда последнее слово сорвалось с губ Кандри, зрачки матери стали крошечными на фоне белков, как острия стрел. От плача Кандри начала икать, думая о том, что сейчас уж точно получит пощечину, которой страшилась с самого утра.

Однако мать медленно опустилась на бревно, глядя прямо перед собой широко открытыми глазами. Повисло долгое молчание, нарушаемое лишь всхлипываниями Кандри; девочке немного полегчало, после того как она сбросила с души этот груз. Наконец мать поднялась и плотно сжала губы, костяшки пальцев у нее побелели.

– Собери свои вещи, мой птенчик. Завтра мы отправляемся в путешествие.

На следующий день Кандри сидела в седле за спиной матери и смотрела, как мимо них, со скоростью движущейся быстрой иноходью кобылы, проплывают деревья. Девочка чувствовала, как мать напрягается всякий раз, завидев вдалеке шлем с плюмажем кого-то из амазонок. Случилось что-то плохое, но Кандри не осмеливалась спросить, что происходит.

Они тронулись в путь очень рано, еще до того как запели первые птицы. С утра Кандри казалось, будто у нее в животе завязывается узел, поэтому она не стала есть сваренную матерью кашу. Впрочем, мать тоже не выказала никакого аппетита, у нее под глазами набухли красные круги. Перед тем как они уехали, Темис быстро сжала Кандри в объятиях. Девочка очень удивилась такому проявлению чувств: обычно амазонка терпеть не могла подобные показные нежности. Утро определенно выдалось очень странным.

Солнце уже стояло в зените, когда мать направила кобылу в подлесок.

– Почему мы сходим с тропы, мама? – спросила Кандри, подсакивая в седле из-за движений бегущей лошади.

– Потому что граница в полулиге отсюда, а нам нельзя встречаться с часовыми, несущими дежурство. А теперь помолчи.

Пока они закладывали большой крюк, чтобы не попасться на глаза стражницам, Кандри все сильнее охватывало нервное возбуждение. Она еще ни разу в жизни не покидала лес: лишь амазонки, носящие пояса, имели право выходить из чащи. В представлении девочки край леса являлся некой волшебной и одновременно устрашающей гранью между безопасным миром амазонок и хаосом, царящим снаружи. Она то и дело выглядывала из-за материнского плеча, пытаясь рассмотреть эту магическую черту. Вокруг росли гигантские эвкалипты, а земля между ними была залита большими пятнами света.

– Скажи, мама, почему ученицы не имеют права покидать лес? – прошептала Кандри матери на ухо.

– Потому что у вас нет поясов с живой лазурью, которые могли бы вас защитить.

– От чего защитить, мама? От темискирских солдат?

– Не только.

Кандри почувствовала в голосе матери неуверенность. Амазонка натянула поводья, и кобыла замедлила шаг, а потом остановилась. Без стука ее копыт лес вновь стал безмолвным. Мать спешила и сжала колено Кандри. Она подняла на девочку свои голубые глаза, ставшие вдруг огромными и блестящими.

– Ты еще слишком мала и вряд ли поймешь, но у меня нет выбора. Ты должна пообещать мне кое-что очень важное, птенчик.

Кандри затаила дыхание.

– У тебя не должно быть детей. Никогда. Пообещай, что никогда не обзаведешься потомством.

Кандри чуть не рассмеялась: ей казалось, что сдержать такое обещание очень просто. Ей было всего семь лет, и в ее глазах дети являлись всего лишь ее враждебными сверстницами или младенцами, постоянно требующими молока. Она определенно не собиралась заводить собственных детей.

– Обещаю, мама.

Они снова тронулись в путь. Кандри, не оставлявшая надежду увидеть край леса, вся извертелась, выглядывая то из-за правого плеча матери, то из-за левого. Волнение девочки моментально испарилось, когда эвкалипты вдруг закончились, уступив место широкой зеленой прерии – впереди раскинулось море зеленой травы, простиравшееся до самого горизонта.

У Кандри округлились глаза. Никогда еще перед ней не открывался такой простор. Северный ветер обдувал ей лицо, шелестя оставшимися позади ветвями и листвой. Повинуясь командам матери, кобыла спустилась в неглубокую долину, скрывавшую путниц от взоров стражей. В тени отдельно растущих деревьев тут и там паслись дикие копытные животные. Путешественницы проехали мимо стада огромных наземных птиц, которые клевали высокую волокнистую траву равнины. Кандри вертела головой во все стороны, чтобы ничего не упустить.

– Мама, это пиорнисы?

– Да. Только нужно говорить «эпиорнисы», а не «пиорнисы».

– Помнишь тот омлет, что мы готовили, мама? Из огромного яйца эпиорниса?

– Помню, мой птенчик.

Восхищенная этим открытием, Кандри принялась болтать без умолку, комментируя все новое, что видела вокруг. Обогнув стадо эпиорнисов, они проехали мимо деревни илотов, небольшой группы соломенных хибар, притулившихся на склоне холма. Кандри с гордостью констатировала, что деревья-хижины амазонок намного удобнее и практичнее, чем дома, стоящие на земле. Мать почти не отвечала на восторженные замечания дочери. Вдалеке они увидели нескольких илотов, которые шли работать на свои поля или пасти скот. Многие воительницы происходили из деревень: дочерей бедных крестьян в раннем возрасте отдавали в лес, на воспитание амазонкам, как произошло с Меланиппе. Амазонки защищали илотов, а те взамен снабжали воительниц продовольствием и кормом для лошадей. В конце прошлой зимы – ей тогда было всего шесть лет – Кандри услышала разговоры о восстании в деревнях. Она не знала, что такое «мятеж», но селяне, наверное, с головой погрузились в это таинственное занятие, поскольку повозки с зерном и припасами больше не поступали в лес. К счастью, амазонки отправили в деревню отряд и положили конец восстанию. Они вернулись с груженными телегами, и все вновь стало как прежде.

Кандри чувствовала себя совершенно разбитой, когда мать наконец остановила лошадь. Они оказались рядом с небольшим, выкрашенным белой известкой строением, зажатым между двумя полями овса. Кандри вошла в сарай и испытала разочарование, обнаружив внутри лишь кучу гнилого дерева и сломанные сельскохозяйственные орудия, разбросанные по земляному

полу. Она повернулась к матери – та распаковывала вещевой мешок, доставала овсяный хлеб, циновку и тонкое одеяло.

– Что мы теперь будем делать? – спросила Кандри.

– Проведем ночь здесь, – ответила мать, усаживаясь на циновку. – Давай-ка, бери хлеб и иди сюда.

Она усадила дочь рядом с собой и стала заплетать ей волосы. Кандри жевала овсяный хлеб, а жесткие пальцы матери то и дело задевали ее уши, разделяли волосы на отдельные пряди.

– Мама, а куда мы пойдем завтра? – спросила Кандри, глядя на мать снизу вверх. Она видела только ее подбородок.

– Сама увидишь, мой птенчик.

Заплетя Кандри косы, мать прижала ее к груди и стала покачивать, тихонько напевая какую-то песню. Время от времени она целовала дочь в висок, щеку или лоб. На лицо Кандри капнула горячая слеза. Обессиленная после целого дня, проведенного верхом, Кандри уснула в теплых материнских объятиях.

Проснувшись на следующее утро, она несколько долгих секунд не могла понять, где находится. Постепенно перед ее взором проступили очертания пыльного сарая. Мать укрыла ее одеялом и уложила на циновку, возле изголовья лежал небольшой сверток с едой. А прямо перед ней стоял, прислонившись к стене сарая, какой-то человек и молча наблюдал за девочкой из тени. У Кандри вырвался крик изумления. Она поспешно сбросила с себя одеяло, а человек отлепился от стены и подошел к ней. Льющийся в окно и дверь свет упал на его лицо.

Кандри еще ни разу не видела мужчин, но тут же поняла, что перед ней именно мужчина. У него на подбородке росли грубые волосы, как у самых старых амазонок, только намного гуще. Руки у него были толстые, как стволы молодых эвкалиптов. Страх сдавил Кандри горло. Ее никогда не интересовали наставления взрослых касательно внешнего мира, но главную идею она усвоила: мужчины – враги амазонок.

– Вы кто? – взвизгнула девочка. – Где моя мама?

– Она ушла ночью, – ответил человек. – И оставила тебя мне.

Потрясенная его серьезным тоном, Кандри несколько секунд пыталась осмыслить услышанное. Потом истина постепенно начала доходить до нее. Девочка вспомнила странное поведение матери накануне, вспомнила, как печаль исказила ее черты, как она покрывала лицо Кандри влажными поцелуями.

Мать ушла. Бросила Кандри одну.

В груди девочки словно набух огромный ком, мешок, полный горя, слишком тяжелый для нее. В следующее мгновение этот мешок прорвался, и Кандри почувствовала, как ее лицо заливают слезы отчаяния.

– Иди сюда, – велел мужчина и резко схватил девочку за одну из длинных кос.

Кандри отбивалась и кричала, так что задребезжали разбросанные по амбару тяпки и лопаты. Сквозь слезы она увидела в руке мужчины кинжал. Он сейчас зарежет ее, как свинью.

Однако, вместо того чтобы чиркнуть Кандри по горлу, человек начал отрезать одну из ее кос. Вжик! Коса с приглушенным шлепком упала на земляной пол. Растерявшись, Кандри перестала отбиваться.

– Поверь, тебе не стоит оставаться с матерью, – проговорил незнакомец, отрезая и бросая на землю вторую темную косу. – Ее свирепые соплеменницы убьют ее, когда узнают, что она сделала. Ей изначально не следовало тебя оставлять.

– Почему? – спросила Кандри.

Человек заставил ее повернуться и поднес лезвие кинжала к ее лицу. В ровной блестящей поверхности оружия Кандри увидела отражение своих голубых, покрасневших от плача

глаз, квадратную челюсть, которая так ей не нравилась, и короткие волосы, завивавшиеся над висками.

– Потому что ты мальчик.

Человек выпрямился и вложил кинжал в ножны.

– Мой мальчик. И отныне твое имя Алькандр.

1

Рождение

Пифон

Двадцать восемь лет спустя

Вот уже несколько декад ничто не нарушало тишину внутреннего дворцового двора, лишь время от времени с мертвых пальм падали на землю слежавшиеся куски снега. Холод словно заморозил течение времени, превратив дворец в пустую сцену. И, как всякая пустая сцена, величественное здание ждало начала представления.

На занесенном снегом пьедестале змей Пифон свернулся вокруг своей кладки. На гладкой поверхности одного яйца появилась трещина, и раздался звук, похожий на тот, что бывает, когда идешь по замерзшему озеру, – ясный и тревожный. За первым треском последовал еще один. Змей повел своими лишенными век глазами. Заскрежетали, разворачиваясь, массивные кольца его огромного тела, чешуйки терлись друг о друга, осыпался покрывавший Пифона снег. Трещины на двух лежащих в центре яйцах расширились, и показались белые мембраны, под которыми угадывалось движение двух гибких тел, стремящихся к воздуху и свету. Остальная часть выводка оставалась неподвижной: другие яйца не пережили стазиса, в который их погрузил василевс.

Треугольный нос проткнул одну из двух мембран, и появилась уменьшенная версия огромной рептилии.

– Тебе принадлежит будущее, – объявил змей.

Другая мембрана, в свою очередь, порвалась, и показался второй змееныш.

– Тебе принадлежит прошлое, – добавил Пифон.

Змееныши, полупрозрачные, как лед, длиной в человеческий рост, развернулись и выбрались из своих скорлупок. Они распахнули пасти под углом, на который способны только челюсти рептилий, и стали зевать. Их белые зубы-крючки сияли в свете, заливавшем покрытый снегом внутренний дворцовый двор. Первый змееныш скользнул по кольцам Пифона.

– Ликург приближается.

Второй зашипел от гнева и ответил:

– Он похитил нас двадцать лет назад, чтобы подарить василевсу. Мы были дипломатическим подарком.

– Ваши братья и сестры никогда не будут жить по его вине, – прошипел Пифон.

Первый змееныш обратился к своему брату:

– Если ты останешься здесь, мы сможем отомстить.

– Значит, мы отомстим, – ответил второй змееныш.

Он остался посреди непроклюнувшихся яиц и свернулся клубочком, а его брат двинулся к выходу.

Пифон тоже скользнул по покрытой снегом земле и пополз по следу детеныша, который уже исчез за галереями внутреннего двора. Как и несколько декад назад, он миновал крепостные стены дворца и оказался на продуваемых ветрами каналах седьмого уровня.

Змей дополз до ближайшего межуровневого пропускного пункта. На посту охраны, расположенном прямо над ледяной лестницей, дремали бандиты. Один из них проснулся, когда

мимо проползал Пифон. Увидев огромного змея, головорез пробормотал: «Вчера я определенно переусердствовал со сладким вином» – и снова заснул.

Пифон продолжил спуск. Он миновал еще два пункта пропуска, не разбудив дремлющую охрану. Охранники в трех последних сторожках бодрствовали, но огромная рептилия угрожающе зашипела на головорезов, и те застыли, не смея даже шевельнуться. Змей знал, что перепуганные людишки скоро поднимут тревогу, но к тому времени, когда они выследят его и попытаются догнать, он будет уже далеко.

Змей продолжил свой путь и наконец оказался на покрытом белыми сугробами лугу, отделявшем башни от крепостных валов. Вдалеке виднелась брешь в куполе, наполовину заделанная известковым раствором. Пифон поглядел на огромные строительные леса, возведенные на валу, и недовольно стрельнул языком. Вернуться этим путем не получится. Извиваясь, он прополз по лугу, оставляя на снегу странные волнообразные следы (на следующий день зеваки увидят их и станут недоумевать), и покинул город через ворота. Затем змей пересек огромную равнину, на которой стояла Гиперборея, и достиг первых невысоких холмов, что, поднимаясь все выше и выше, постепенно переходили в горы. Предрассветный сумрак понемногу рассеивался, а он скользил по облаченной в белое долине, направляясь к Рифейским горам. В небе уже поднималось молочно-белое зимнее солнце, когда Пифон достиг замерзшего озера у подножия ледника. Его чешуя царапала ледяную гладь, под которой угадывались глубокие черные воды. Он остановился посреди озера, свернул свое огромное тело в кольца, опустил на них голову и стал ждать. Придется еще немного поиграть с судьбой, прежде чем он вернется в свое уединенное убежище в горах, где ход времени измерялся лишь редким появлением караванщиков.

Алькандр

На вершине тюрьмы Экстрактрис звучало, не прекращаясь ни на секунду, ритмичное постукивание: по узорчатой мозаике пола туда-сюда топали сапоги. Алькандр расхаживал по покоем начальника тюрьмы, обитавшего теперь в одной из камер где-то на нижних этажах. Разговор, к которому готовился темискирский эмиссар, имел огромное значение для его будущего. На мгновение Алькандр остановился, поглядел на раскинувшийся за окном пейзаж – покрытые инеем башни, озаренные вечерним солнцем, – и снова стал ходить по комнатам. Он чувствовал бы себя увереннее, если бы не наделал столько ошибок.

Первой его ошибкой стал пожар, в результате которого оказался поврежден купол. Температура в городе опустилась так низко, что рабочие больше не могли заделывать брешь, так как раствор для каменной кладки застывал на морозе. После декады упорного труда они в конце концов отступились и ушли со стройплощадки. Их труд остался незавершенным: адмантовый купол перечертила широкая темная трещина, частично скрытая строительными лесами. Осталось заполнить половину этой бреши, по форме напоминающей треугольник с длинным основанием, сквозь которую задували ледяные ветра. Воспользовавшись всеобщим хаосом, кланы захватили все таможенные посты. В настоящее время бандиты контролировали всех, кто приезжал в город и покидал его, а также прибрали к рукам снабжение. Товары первой необходимости продавались по баснословным ценам. Над Гипербореей нависла угроза голода.

Вторую ошибку Алькандр совершил, позволив Арке сбежать. Он не ждал, что после обрушения башни девчонка решит покинуть Гиперборею. У него ушло несколько дней, чтобы окончательно удостовериться в ее отъезде. С каждой минутой расстояние между ним и Аркой увеличивалось, и Алькандр начинал беспокоиться. Он оставил надежду послать в погоню Силена, потому что при жизни лемур никогда не бывал в Рифейских горах, к тому же еще окончательно не восстановился после полученных повреждений. Стремясь ускорить регенерацию лемура, Алькандр поместил его в магико-лечебный чан, стоявший в занимаемых им сейчас покоях. Из желеобразной жидкости показалось неподвижное лицо, глаза существа следили за мечущимся хозяином. Потребуется еще несколько дней, чтобы жизненно важные органы лемура восстановились в полной мере. У Алькандра не осталось выбора – следовало отправить за Аркой кого-то другого.

О своей третьей ошибке он узнал только что.

– Сколько месяцев? – спросил он, не переставая расхаживать из стороны в сторону.

Из темного угла комнаты донесся глухой голос, в котором прозвучали металлические нотки:

– Два.

– Значит, у меня еще есть время, чтобы найти какое-то решение. Мне нужна Барсида.

– Господин, ее помощь будет ничтожно мала по сравнению с опасностью, которую будет представлять этот ребенок, если родится.

Алькандр бросил взгляд в угол комнаты, откуда шел голос. Из полумрака появилась человеческая фигура, только некоторые части тела у нее были металлические. Одной рукой она держала свою вторую, демонтированную руку и носила железную маску, на которой обозначались невыразительные черты лица. Темные прорезы глазниц придавали ей загадочный вид. С тех пор как Алькандр дал ей эту маску, Пентесилея ни разу ее не снимала. Обратной стороной медали было отсутствие у Алькандра возможности наблюдать за выражением ее лица. Беременность Барсиды грозила стать настоящей проблемой, и Алькандр задавался вопросом, не чувствует ли амазонка угрозы со стороны этого будущего ребенка.

– Я подумаю об этом, – проговорил он. – Уже достаточно стемнело, идем.

Пентесилея вставила свою механическую руку в плечо, согнула и разогнула пальцы, затем последовала за хозяином к лестнице, ведущей на крышу. Они вылезли через люк на террасу, и там на них обрушился лютый холод, ставший еще сильнее с наступлением ночи. Аלקандр надвинул капюшон и зашагал к центру крыши, на которой еще недавно зеленел висячий сад. Струи фонтанов замерзли, превратившись в ледяные фигуры причудливых форм; покрытые снегом растения походили на изящные скульптуры. Аלקандр остановился в центре огромной мозаичной розы, украшавшей пол террасы, и поднял глаза к небу. В вышине купол образовывал едва видимый барьер между крышей башни и темно-синим небосводом. Аלקандр сунул в рот три пальца и протяжно свистнул.

Через несколько минут бледное сияние первых звезд закрыла огромная тень, а еще через мгновение с неба спикировала гигантская хищная птица и опустилась на крышу. От взмахов черных как смоль крыльев поднялся ледяной вихрь, сорвавший с головы мужчины капюшон. Аלקандр подошел к птице рух и погладил ее кривой клюв затянутой в рукавицу рукой.

– Прости, что оставил тебя за пределами города, Меланефель, при свете дня ты слишком бросаешься в глаза, – сказал он.

Птица нежно потерлась головой о макушку хозяина, потом отвернулась, давая возможность Пентесилее забраться себе на спину, где было закреплено двойное седло. Когда Аלקандр тоже занял свое место, девушка просвистела команду, и птица взлетела.

Над городом завывал ветер. Несколько минут Аלקандр ни о чем не думал, просто наслаждался полетом над Гипербореей. В настоящее время он предпочитал летать по ночам, когда последствия его ошибок становились менее заметны. Цвета города – зелень выющихся растений, синева воды, настенные росписи – исчезли подобно мелкому песку, разлетающемуся под порывами ветра. Теперь повсюду выросли ледяные сталактиты, вода в каналах замерзла, все вокруг покрывал сероватый снег, на первом уровне почерневший, поскольку там его ежедневно топтали перебравшиеся вниз жители. Аלקандр постоянно твердил себе, что это просто временные неудобства, и все же невольно чувствовал свою вину, видя, в каком печальном состоянии оказался город незадолго до окончательного завоевания.

Под порывами ледяного ветра кожа его лица горела, ноги мерно покачивались над пустотой в такт движениям мощных крыльев. Аלקандр привык к этому ощущению: отец научил его летать еще двадцать восемь лет назад. Сегодня вечером, спустя шесть месяцев, проведенных в Гиперборее, он снова увидит отца.

Птица рух спикировала к бреши в куполе и, мягко шелестя крыльями, пролетела над пустыми строительными лесами, возведенными каменщиками. Даже если бы рабочие остались, то, скорее всего, не заметили бы промелькнувший в воздухе темный силуэт гигантской хищницы.

За пределами купола было еще холоднее. Аלקандр пригнулся к Пентесилее, чтобы спрятаться от болезненных укусов ветра. Девушка взяла курс на Рифейские горы, а Аלקандр думал о предстоящей встрече. Он не видел отца полгода и теперь нервничал, представляя, как доложит ему о результатах своих действий. Его план, который он временами считал невыполнимым, перешел в завершающую фазу. Он собирался захватить Гиперборею без осады и боя. Подвиг, по сравнению с которым завоевание Напоки будет выглядеть бессмысленной и глупой резней.

Птица рух достигла первых отрогов Рифейских гор, гребни которых озаряли слабые оранжевые отблески заходящего солнца. Пентесилея направила птицу к занесенной снегом треугольной площадке, высеченной на каменистом склоне одного из пиков. Пока они снижались, Аלקандр разглядел в полумраке около трехсот птиц рух, лежащих в снегу, а также пять больших ледяных шатров, четыре из которых располагались по углам, а пятый – в центре. Внушительная численность отряда беспокоила Аלקандра. В письмах отцу он советовал прислать небольшое войско. Не в обычаях Ликурга так перестраховываться.

Меланефель приземлилась перед центральным шатром, Алькандр выпрыгнул из седла и по пояс провалился в рыхлый снег, покрывавший площадку. Из глаз, и без того раздраженных после полета, брызнули горячие слезы. Алькандр вытер их, проведя по лицу рукой, и заодно избавился от мелких ледяных капель, намерзших на бороде во время полета. Перед ним вырисовывались очертания шатра, наполовину скрытого сугробами. Одним движением руки Алькандр проложил себе путь через снежные заносы до самого входа в шатер.

Дверь состояла из простой глыбы льда, на которой была выгравирована печать открытия; Алькандр ее активировал. Лед растаял, позволив мужчине войти в тамбур, после чего тут же застыл у него за спиной. В прихожей было теплее: здесь адъютанты расстелили промасленные чехлы, а на них сложили седла птиц рух. Алькандр подошел ко второй двери, поднял закрывавшую ее меховую занавесь и вошел в главную комнату шатра.

Свет парящей сферы отражался от гладких и блестящих ледяных стен помещения, озаряя около полудюжины мужчин, сидевших вокруг самовара. При виде вошедшего ни один из них не встал, однако Алькандр видел, как все выпрямили спины в безуспешной попытке не казаться слишком старыми и сгорбленными на его фоне. Большинство присутствующих на собрании олигархов являлись бывшими генералами тех самых войск, которые Напока в свое время наняла для защиты южной границы от амазонок... а потом, пятнадцать лет назад, наемники решили завоевать этот город, объединившись под рукой своего командира Ликурга.

Ликург, отец Алькандра, отсутствовал. Тревожный знак.

– Алькандр, добро пожаловать, – прозвучал низкий, звучный голос. – Проходи, садись с нами.

Эти радушные слова произнес человек среднего возраста, еще не успевший ни располнеть, ни облысеть; его черные кустистые брови резко контрастировали с седыми с металлическим отливом волосами. Генерал Филон поглядел на вновь прибывшего: под глазами у него залегли глубокие круги, словно сегодняшнее собрание стало последним делом в конце напряженного дня, которое он тем не менее намеревался выполнить как должно. Алькандр знал, что его собеседник любил казаться спокойным и трудолюбивым, дабы укрепить свою репутацию хорошего командира.

Долгие годы Филон был правой рукой отца, держась в тени; он планировал захват Напоки, именно он позволил Темискире упрочить свое могущество после первых военных успехов. И сейчас, глядя на него, Алькандр понял, что его собеседник долго ждал своего звездного часа, а теперь этот час наконец настал.

– Где мой отец? – спросил он, не спеша принимать приглашение.

Олигархи заерзали на своих покрытых мехами ледяных скамьях, было видно, что им не по себе. Один лишь Филон сохранял бесстрастный вид. Он выгнул угольно-черную бровь, подался вперед, уперся локтями в широко разведенные колени и проговорил полным сочувствия голосом:

– Вот уже месяц у Ликурга проблемы со здоровьем, о которых он предпочел тебе не сообщать на случай, если письмо перехватят. Он решил пока отдохнуть и предоставить нам вести все мелкие дела, пока ему не станет лучше.

На лице Алькандра не дрогнул ни один мускул: он постарался никак не показать, насколько сильно его потрясла эта новость. Он слишком хорошо знал деспотический характер отца и ни секунды не сомневался, что Ликург никогда бы не выпустил из рук бразды правления из-за легкого недомогания. Филон недоговаривает: очевидно, состояние здоровья Ликурга на самом деле гораздо хуже. Алькандр хотел расспросить генерала подробнее, но такие вопросы вызвали бы презрение олигархов, а ведь они и так видели в нем отпрыска амазонки, которого зачем-то взял к себе Ликург. Похоже, именно на это Филон и надеется.

– По-вашему, захват Гипербореи – это мелочь?

Выражение притворного сочувствия исчезло с лица Филона. Он встал, поставил свою пиалу с чаем на самовар, сцепил руки и старательно потер ладони друг о друга. Запястья, выглядывающие из меховых рукавов его куртки, были покрыты густой черной порослью, короткие волоски росли даже на фалангах пальцев.

– Это срочное дело. Было бы жаль, если бы проделанная тобой прекрасная работа пропала впустую, Алькандр. Прими наши поздравления, твое упорство достойно восхищения. Благодаря тебе через четыре дня врата Гипербореи откроются перед нами, а ведь еще несколько месяцев назад подобный триумф казался недостижимым.

Алькандр ждал продолжения. Филон был не из тех, кто легко расточает похвалы: он произнес свои поздравления, точно нанес дорогую целебную мазь, с тем чтобы в следующую секунду причинить сильную боль.

– Однако мы полагаем, что ты более не способен руководить этой операцией.

Алькандр ждал чего-то подобного, только полагал, что резкое обвинение будет исходить из уст отца, а не от мелкой сошки вроде Филона, жаждущего самоутвердиться за чужой счет.

– И как же вы пришли к такому мнению? – поинтересовался он, по-прежнему не спеша садиться.

Видя, что Алькандр настроен воинственно, Филон перестал ходить вокруг да около:

– Ты обещал вручить нам Гиперборею неповрежденной. Мы вложили в твой проект много средств. Пожар в лесу стоил нам почти всех наших запасов цельного орихалка. И что же мы получили в итоге? Наполовину разрушенный город с подорванной экономикой и жителями, подобно крысам забившимися в...

– Это временная ситуация, – перебил его Алькандр. – Гиперборея восстановится, как только починят купол. И я что-то не припомню, чтобы вы рвались руководить какими-либо операциями, после того как мой отец захватил Напоку... Все-таки осада превратилась в настоящую бойню.

Услышав это замечание, некоторые олигархи подняли брови. Никто из них никогда не осмеливался критически высказываться о завоевании Напоки. Все повернулись к Филону, ожидая его ответа. Генерал снисходительно улыбнулся, но улыбка эта походила на оскал.

– Ты – не твой отец, Алькандр. Ты, конечно, ловко проворачиваешь закулисные интриги и строишь козни, но проявление силы, подлинной силы, тебе неведомо. Во главе Гипербореи должен встать сильный человек.

– Например, человек, сумевший захватить город с полусотней воительниц? Человек, знающий гиперборейское общество лучше, чем кто бы то ни было в этом зале?

– Будь благоразумным, Алькандр. Твои воительницы сумели взять магов в заложники лишь потому, что застали их всех врасплох, – заявил Филон. – Они не выстоят перед темискским войском и полдня, даже если воспользуются силой живой лазури.

Он выпрямился и обвел взглядом олигархов, словно демонстрируя, что его речь – плод коллективных размышлений, несмотря на то что генералы не вымолвили ни слова.

– Впрочем, мы скоро это докажем, – добавил Филон. – Мы заметили, что в своих последних письмах ты предусматриваешь благоприятный исход для своих воительниц... Эту часть твоего плана мы отбросим. Несколько показательных казней окончательно сделают нас спасителями в глазах горожан. Пятьдесят смертей ради завоевания Гипербореи – невысокая плата, верно?

Алькандр побледнел при мысли о нерушимой верности Барсиды и ее животе, который вскоре должен был округлиться. Он хотел уже выступить против Филона, но в голове у него поселилась ужасная мысль: подобное изменение стратегии его вполне устраивало. Солдаты-птицеловы решат проблему, растущую в утробе Барсиды, и тогда ему не придется самому взваливать на себя вину еще и за это.

Внезапно одна из глыб льда в противоположной стене растаяла, и в образовавшемся проеме появился адъютант, заметно нервничавший из-за того, что приходится прервать важное собрание. Он поддерживал под локоть какого-то старика: тот с трудом переставлял укутанные мехом ноги и то и дело норовил споткнуться. Алькандру понадобилось несколько секунд, чтобы узнать отца.

Одна половина лица Ликурга не двигалась и казалась оплывшей, волосы заметно поредели и совершенно поседел. В сивой бороде застряли кусочки еды. Трясущейся рукой он сжимал платок, взгляд его блуждал по комнате, потом остановился на Филоне. От мехов, в которые был укутан старик, исходил запах экскрементов.

– Генерал Филон, – поспешно проговорил адъютант, – прошу прощения, полемарх Ликург пожелал...

– Все в порядке, все в порядке, солдат. Видимо, он захотел к нам присоединиться, так помогите ему подойти, – добродушно ответил Филон и похлопал по свободному месту рядом с собой.

Алькандр с ужасом глядел, как его отец, Ликург, военачальник, которого он боялся и которым восхищался всю жизнь, маленькими шажками ковыляет к ледяной скамье. Филон поднялся, поддержал правителя Темискиры под другой локоть и помог ему сесть.

– Взгляни, Ликург, твой сын здесь, – проворковал он, словно мать, подбадривающая малолетнее дитя.

Ликург повернул голову, и его правый глаз загорелся при виде сына. Алькандр охватила тоска. Никогда еще отец не улыбался ему так искренне. Видел ли он когда-нибудь такое выражение на лице грозного Ликурга? И все же эта улыбка на искаженном параличом лице, пожелтевшем и беззубом, была улыбкой дряхлого старика, преисполнившегося радости при виде сына.

– Аль... кандр... – прошамкал Ликург. – Ты... здесь.

– Он тебя узнал! – воскликнул Филон, похлопывая Ликурга по руке. – Порой он путает имена людей, которых давно не видел.

– Зачем вы привезли его сюда? – только и смог вымолвить Алькандр.

– Ликург – это символ, – ответил Филон. – Я думаю, его присутствие поможет нам успешно осуществить переход власти над Гипербореей в наши руки. И потом Ликург рад возможности присоединиться к нам в этом новом военном походе.

Алькандр мог только догадываться, как Филон упивается бедственным положением Ликурга, перед которым всю жизнь раболепствовал.

– Давай говорить начистоту, Алькандр, – добавил Филон. – Дабы избежать резких изменений существующего порядка (он сжал плечо Ликурга, всем своим видом выражая заботу), мы ждем от тебя полного содействия.

Ликург, почувствовав давление на плечо, поднял карие глаза на Филона и улыбнулся ему. Генерал в ответ жизнерадостно осклабился. Не в силах более выносить эту сцену, Алькандр стукнул себя кулаком в грудь, выражая почтение олигархам, повернулся и вышел из ледяного шатра.

Может ли он по-прежнему называть отцом это дрожащее существо? Внезапная немощь Ликурга вызвала у Алькандрa почти животный ужас. Лучше бы ему сообщили, что отец умер. Вдобавок к своему огромному замешательству он чувствовал, что не сможет предпринять ничего, что могло бы навредить Ликургу.

Алькандр так часто манипулировал слабостями других ради собственной выгоды, но никогда и представить себе не мог, что ему самому придется склониться в результате подобного шантажа.

Там, где не сыграла его привязанность к Барсиде, сработал другой рычаг – любовь к отцу. Пока маг шел к Пентесилее, оставшейся ждать на плато под покровом полярной ночи, Рифейские горы казались ему еще необъятнее, чем обычно. Хотя, возможно, это он сам съезжился.

Мужчина посмотрел на Пентесилею – та сидела на спине птицы рух и молча наблюдала за Алькандром. Барсида обречена, но он еще может спасти одну из своих воительниц.

– Я остаюсь здесь, – бросил он, – а ты забирай Меланефель.

– Что я должна сделать, хозяин?

– Отправляйся на поиски Арки.

2

Наследие лемура

Арка

Каждое утро, проснувшись под теплым боком Карапуза, Арка испытывала невероятное удивление от того, что оказалась в той же обители холода и льда, в которой засыпала накануне. После месяцев, проведенных в Гиперборее, девочка никак не могла снова привыкнуть к кочевой жизни в Рифейских горах. Вглядываясь в бескрайние белые склоны, она снова и снова перебирала в памяти события, после которых лишилась своей удобной кровати и маленькой комнаты в донжоне.

Арка прибыла в город-государство менее года назад, сбежав от волнений в Напоке и своей погибшей подруги-амазонки, и весь ее багаж состоял из нехитрого плана: отыскать своего отца-гиперборейца, которого она никогда не видела.

В результате стечения обстоятельств она стала ученицей Ластианакса, иначе говоря, девочкой на побегушках при вспыльчивом политике, страстном любителе бумажной работы.

Вопреки ожиданиям (и благодаря обнаружившемуся у нее исключительному дипломатическому дару) они в итоге ладили, да так, что Ластианакс привлек девочку к расследованию смерти своего собственного наставника, министра Палатеса. Жизнь на седьмом уровне завертелась для Арки нескончаемой круговертью: она то участвовала в поисках загадочного преступника, ты выполняла обязанности служанки при своем наставнике. Потом Магистериум потрясли другие убийства министров, и Арка узнала о существовании древнего проклятия, которое правитель Гипербореи наслал на амазонок, ответственных за убийство его детей. Те, на кого пало это проклятие, были обречены убивать своих прародителей и умирать от руки своих потомков. Ради мести василевс обрушил эти чары не только на амазонок, но и на себя самого – потому-то проклятие и называлось зеркальным.

Потеряв детей и лишившись возможности зачать новых, василевс считал себя бессмертным. Однако один человек сумел вернуть к жизни убитого сына правителя, сделав из юноши бездушную марионетку, способную лишь служить своему хозяину. Этот человек приказал лемуру сблизиться с одной амазонкой, чтобы та родила ребенка. Этим ребенком была она, Арка.

Прибыв в Гиперборею, девочка узнала, что тоже стала жертвой зеркального проклятия: именно оно толкнуло ее на убийство василевса – защищаясь, она ненамеренно убила своего деда. Затем хозяин лемура обставил все так, чтобы Арку приговорили к смертной казни, а заодно захватил в заложники всех гиперборейских магов и заточил их в городскую тюрьму, заставив их думать, что за всем этим стоят амазонки. Арка вступила в бой со злодеем, и в итоге одна из городских башен обрушилась, пробив защитный купол Гипербореи, но девочка сумела спастись. Дочь амазонки, цареубийца, проклятая, разрушительница города: довольно тяжкая ноша для подростка, еще не достигшего четырнадцати лет. Итак, Арка решила сбежать и вернуться в Аркадию, в лес амазонок, в котором выросла.

Покинув город, она оставила там своего наставника, Ластианакса. Она чувствовала себя виноватой из-за того, что уехала, не повидавшись с ним, тем более что наставник рисковал жизнью, чтобы вытащить ее из тюрьмы, куда запер ее повелитель лемунов. Вот только этот негодяй наверняка пошел бы по следу Арки, а значит, рядом с ней Ластианакс оказался бы в еще большей опасности, ибо хозяин лемунов уже доказал, что способен убить любого, кто встанет между ним и Аркой.

Из всех этих неприятностей девочка сделала горький вывод: нельзя жить там, где действует магия. Ее бессмертие приводило лишь к катастрофам, сеяло вокруг нее смерть, словно судьба, будучи не в силах убить Арку, мстила ей, обрушивая свой гнев на окружающих. Ее опекунша Широн лишилась жизни в тот самый день, когда Арка впервые оказалась в зоне действия магии. Ее спутницу и подругу по несчастью, царевну Пентесилею, убили по вине Арки во время бунтов в Напоке. Ластианакс несколько раз чуть не погиб, когда девочка находилась рядом с ним. Сражение Арки с хозяином лемурув повлекло за собой гибель тысяч живших в башне гиперборейцев.

По правде говоря, давно пора было положить конец этим нескончаемым смертям и вернуться в лес амазонок, где проклятие не имело силы. Каждое утро, проснувшись, Арка приходила к этому заключению, и оно давало ей смелость подниматься и продолжать путешествие.

Девочка отлепилась от бока Карапуза, похлопала коня по крупу и прикрепила к меховым сапогам снегоступы. Еще пять дней пути отделяли ее от Кембалы, города, в котором останавливались зимой рифейские караванщики. Сквозь лед в убежище Арки проникал свет: начался новый день. Пора отправляться в дорогу. Девочка взяла свою походную палку и стала прокладывать себе путь в сугробе: за ночь падающий снег полностью завалил вход в ее укрытие. Карапуз принялся шумно фыркать, намекая, что не прочь поскорее выйти на воздух.

– Потерпи еще пять минут, скоро выйдешь отсюда, – пропыхтела Арка, энергично работая палкой.

Когда девочка пробила последний пласт слежавшегося снега, в их укрытие хлынул яркий свет. Арка проползла по узкому проходу и выбралась наружу.

Долину, в которой девочка остановилась на ночь, окружали холмы, и их склоны сияли ослепительной белизной. Снег покрыл все вокруг, скрыв неровности почвы ровным белым ковром, настолько плотным, что местами на нем появились трещины. Синее небо было совершенно чистым, только над самыми высокими горными пиками собралось несколько белых облаков. Ветер сдувал с отрогов гор, окружающих долину, искрящуюся порошу, и казалось, будто по снегу ползет призрачная дымка. Ярко светило солнце, и с разбросанных по долине сосен падали блестящие капли.

Арка расчистила завалившие шалаш сугробы, чтобы Карапуз смог выбраться. Конь фыркнул и пробежался по снегу, потом стал кататься по белоснежному покрову, блаженно всхрапывая. Затем он бросился к кучке овса, который Арка высыпала на землю из мешка. Пока Карапуз завтракал, девочка решила развести костер, дабы приготовить еду для себя.

Она направилась к ближайшим деревьям, ступая по нетронутому снегу, уже покрывшемуся твердым настом под теплыми солнечными лучами. В долине царила полная тишина. Оказавшись в тени раскидистых елей, Арка набрала мелких веток, которые недавняя снежная буря не успела замести окончательно. Затем девочка выпрямилась, прижимая к груди вязанку; на нее снизошло одновременно тревожное и пьянящее чувство, словно она одна в целом мире.

Вот только она была не одна.

На горизонте показалась птица рух.

Ошеломленная, Арка выронила еловые ветки, попятилась и спряталась под клонящимися к земле ветвями ближайшего дерева. Два года она не видела в небе этих существ. Похоже, крылатая хищница прилетела с севера, то есть из Гипербореи, – это полная ерунда, ведь в городе нет темискирских эскадрилий. Насколько Арке было известно, лишь Темискира по-прежнему владела птицами рух. Это означало только одно: Ликург присоединился к хозяину лемурув, как и предполагал Ластианакс.

Арка прищурилась, пытаясь разглядеть всадника. С такого расстояния она видела только металлические отблески летного шлема. На наезднике не было коричневого плаща, типичного для темискирских солдат-птицеловов. Оставалось надеяться, что это обычный курьер.

Чернокрылая хищница низко парила над стоянкой, словно осматривая ее. Карапуз, увлеченно жевавший свой паек, ничего не замечал. Арка посмотрела на своего спутника, и в животе у нее словно завязался тугой узел: однажды она слышала, что птицы рух могут утаскивать в когтях лошадей. Пока что хищник просто пролетал над ними.

Арка с облегчением перевела дух, но тут же сообразила, что птица рух закладывает вираж и возвращается к лагерю. Карапуз доел овес и наконец-то увидел хищную птицу. От страха конь выпучил глаза и ускакал прочь по снегу.

Солдат-птицелов направил птицу рух обратно, завис над занесенным снегом шалашом и, выглянув из-за гигантского крыла, стал осматривать землю. Арка вся подобралась и отступила ближе к стволу дерева, под прикрытие ветвей. Это определенно не курьер: наездник выслеживал именно ее. Вскоре сидевший в седле человек заметит на свежем снегу следы девочки: наверняка сверху они сразу бросаются в глаза. Арка коснулась своего запястья, на котором носила браслет-крылья. Даже если механизм сработает на морозе, ей не удастся улететь, оставшись незамеченной...

Солдат-птицелов напал на ее след. Он повернул голову в сторону сосновой чащи. Мгновение спустя птица рух спикировала прямо на Арку. Девочка увидела, как наездник отцепил висящий на поясе блестящий шар – это была усыпляющая сфера.

Солдат-птицелов бросил шар в Арку, но девочка проворно отпрыгнула в сторону. Сфера разбилась о ветви ели, из нее повалил фиолетовый дым. Девочка закрыла рот, зажала нос и выбежала из-под защиты деревьев. Сонный газ успел подействовать на нее: ноги вдруг стали ватными, Арка с трудом переставляла снегоступы. Она побежала, спотыкаясь в снегу, понимая, что позади нее птица разворачивается, чтобы возобновить атаку. Только бы успеть добраться до охотничьего лука, оставшегося перед шалашом...

Прямо у ее ног с приглушенным хлопком взорвалась вторая усыпляющая сфера. Не останавливаясь ни на секунду, Арка снова задержала дыхание, от недостатка кислорода у нее стали неметь ноги. От шалаша ее отделяло около десяти шагов. Сквозь застилающий глаза туман девочка увидела, как птица рух круто разворачивается над противоположным краем долины и в третий раз бросается в атаку. Под ослепительными солнечными лучами черные крылья хищницы радужно переливались, а шлем всадника сиял, словно зеркало. Арка добралась до шалаша и наконец осмелилась вдохнуть. Она нагнулась к лежащим на снегу вещам, схватила стрелу и лук, перекатилась на спину и натянула тетиву.

Солдат-птицелов, уже занесший над головой третью сферу, замер и натянул поводья, сдерживая птицу рух. Хищница зависла прямо над стоянкой, мерно взмахивая крыльями. Тяжело дыша, Арка крепко держала тетиву, целясь в голову всадника.

– Если бросишь этот шар, я застрелю твою птицу!

Несколько мгновений солдат-птицелов молча смотрел на нее. Арка заметила, что он очень худой и невысокий. Девочка подумала, что ее противник вряд ли намного старше ее самой, как вдруг раздался глухой металлический голос, разнесшийся по долине мрачным эхом:

– Ты не узнаешь меня, Арка?

Девочка никогда не слышала подобного голоса, и все же что-то в его тоне, а также в поведении ее противника вдруг показалось ей до ужаса знакомым. Она вспомнила мнимую амазонку в маске, выстрелившую в Ластианакса, когда они с магом только-только сбежали из Башни правосудия. Она готова была руку дать на отсечение: сейчас перед ней стоял тот самый человек. Женщина, вероятно, очень молодая, отличная лучница, к тому же ей известно имя Арки...

Прошло несколько секунд, прежде чем девочка осмелилась озвучить страшную догадку:

– Пентесилея?

– Да.

Арку словно обухом по голове ударили. Перед глазами замелькали воспоминания о том дне, когда она видела Пентесилею в последний раз в Напоке: царевна распростерта на земле, а ее лицо – сплошное кровавое месиво... Она не могла выжить, это невозможно.

– Ты же умерла в Напоке!

– Нет, это ты бросила меня умирать. Своей жизнью я обязана хозяину.

Эта фраза пробудила чудовищные страхи, которые Арка долгое время загоняла в самый дальний уголок сознания. Она посмотрела на странную маску своей противницы – последняя все еще держала усыпляющую сферу, причем рука ее совершенно не качалась, несмотря на то что птица рух мерно покачивалась вверх-вниз, ударяя по воздуху крыльями.

– Ты... тоже лемур?

Время словно остановилось. Звонящую тишину нарушало лишь тяжелое хлопанье огромных крыльев птицы рух, порождавшее волны ледяного ветра.

Вдруг Пентесилея резко выбросила вперед руку, метнув усыпляющую сферу. Арка тут же выстрелила в летящий к ней шар, и тот взорвался в воздухе. На нее дождем посыпались осколки стекла, в воздух поднялось облако фиолетового тумана, окутав парящую сверху птицу рух. Хищница замотала головой, движения гигантских крыльев замедлились, и существо стало терять высоту. Пентесилея натянула поводья и просвистела какую-то команду. Хищница мягко взмахнула крыльями и спланировала к ближайшей горе, по-прежнему сонно качая головой.

Вскочив на ноги, Арка наблюдала, как птица рух удаляется по направлению к горному гребню. Она летела все медленнее, будто боролась с сильным ветром. Пентесилея без устали нахлестывала птицу вожжами, чтобы не дать ей окончательно заснуть. Напрасный труд. Огромная хищница вдруг опустила голову, камнем полетела вниз и упала на горный склон в нескольких шагах от края гребня, наполовину скрывшись под толстым слоем снега. Пентесилею отбросило в сторону, она откатилась на несколько шагов и врезалась в валун.

Арка успела увидеть, как ее противница поднимается, а потом услышала странный стук, что-то вроде «ву-у-уф», который, казалось, исходил от самой горы.

В снегу вокруг увязшей птицы рух образовались длинные трещины. От горы отделились белые снежные пласты, сметая неподвижную хищницу. Мгновение спустя снежный покров превратился в огромную лавину, которая с огромной скоростью понеслась вниз по склону.

Арка окаменела, глядя, как белоснежный вал катится на нее, сметая на своем пути сосны, словно пучки соломы. Через несколько секунд ее раздавит снежная масса. Она огляделась в поисках Карапуза, но коня нигде не было видно. Девочка лихорадочно схватилась за запястье и изо всех сил нажала печать на браслете-крыльях, но механизм не сработал.

Она вскинула голову. Теперь лавина занимала все поле ее зрения. Гора рычала, словно чудовище, готовое поглотить свою жертву. Арка побежала в противоположном направлении, так же как бежала в Напоке, оставив позади смертельно раненную Пентесилею, и как бежала в лесу амазонок, оставив на поляне мертвую Широн.

Она все еще думала о своей опекунке, когда ее накрыла лавина.

Ластианакс

Вот уже два дня хищные птицы появлялись в свинцовом небе над горами, возносящимися вверх, точно тонкие якоря в пенном море облаков. Хищники летели так высоко, что трудно было оценить размах их крыльев: это могли быть снежные орлы или гораздо более крупные птицы.

«Птицы предвещать зло», – заявил Сопот, проводник Ластианакса.

Впрочем, караванщик во всем видел дурные предзнаменования: в форме набегающих на горные вершины облаков, в трещинах на настe, в навозе своего овцебыка. Ластианакс не мог не признать, что требуется сказочная удача, чтобы пережить бураны, лавины, трещины, обморожения и еще тысячу и одну опасность, подстерегавшие путников в Рифейских горах.

С каждым прошедшим днем он все больше сожалел о своем отъезде из Гипербореи. Почти три декады он топтал снег на горных склонах, его тело ломило от непривычной физической нагрузки. Когда они только начали этот подъем, стояла относительно хорошая погода, теперь же они с караванщиком то и дело попадали в метель.

У Ластианакса складывалось впечатление, что большую часть времени он просидел вместе с Сопотом и его животными в ледяном убежище, которое проводник сооружал всякий раз, когда разыгрывалась непогода. Молодой человек не мог больше выносить причуды горца, его неопрятность, прогорклый запах овцебыков и отсыревшие меха, в которые он был одет. Но больше всего мага раздражало ощущение, что все его усилия напрасны. До сих пор он не нашел никаких следов Арки, и его решимость отыскать девочку серьезно поколебалась. Чем дальше он заходил в негостеприимные изгибы Рифейских гор, тем выше росли вокруг него их мрачные пики. Каждый день приносил новый каменистый склон, с которого нужно было спуститься, новую кручу, на которую следовало подняться, новый перевал, который надо пересечь. И в этом холодном краю им ни разу не встретилось ни деревни, ни овчарни... ни Арки.

Ластианакс шел вслепую, оказался полностью зависим от Сопота, который всегда двигался на десять шагов впереди и постоянно тянул за связывающую их веревку, чтобы подчеркнуть медлительность своего нанимателя. Еще караванщик развлекался, «забывая» гиперборейский язык, если не хотел отвечать. Если Ластианакс осмеливался спросить у него дорогу, Сопот раздражался потоком рифейских слов и подкреплял свою речь размашистыми недовольными жестами, давая понять, что городской житель вроде Ластианакса просто неспособен понять горы.

Молодому человеку трудно было определить, насколько принимаемые караванщиком решения основываются на логических выкладках, а насколько – на простых суевериях. Например, Сопот отказался вести мага через ледник, а когда Ластианакс потребовал объяснений, проворчал: «Слишком опасно, слишком опасно!», после чего еще несколько минут размахивал палкой и раздраженно хмурил брови. А ведь перейдя ледник напрямую, они могли бы выиграть время. В глазах Ластианакса этот длинный обход уменьшил его шансы догнать Арку. Каждую минуту ему хотелось повернуть обратно, но всякий раз его останавливала надежда увидеть свою ученицу за следующим скалистым выступом. По ночам он плохо спал из страха вернуться в Гиперборею с пустыми руками после того, как бросил там Пирру ради поисков Арки. Ластианаксу казалось, будто он ведет себя как отец, любитель азартных игр, всегда готовый поставить гипер на очередной, уж точно последний забег, уверяя сам себя, что выигрыш возместит наконец все золото, спущенное на предыдущих скачках.

Накануне, переходя через опасный горный гребень, они потеряли одного овцебыка. Каменистая тропа обрушилась под копытами животного, и бык вместе со всеми навьюченными на него товарами рухнул в глубокий овраг. Эта потеря совершенно не улучшила настроения Сопота. Он отругал Ластианакса, обвинив юношу в том, что тот неправильно вел животное,

потом стал распекать своего пса, дескать, тот рассердил горы, залаяв на галку. Ластианакс испытывал глубокое сочувствие к псу: в конце концов, Сопот относился к ним двоим одинаково пренебрежительно.

Помимо собственно овцебыка, эта неприятность стоила им полдня ходьбы. Караванщик во что бы то ни стало желал забрать упавшие в овраг товары или хотя бы их часть. Эта опасная операция стала серьезным испытанием для терпения мага. Затем пришлось распределять спасенные вещи на оставшихся животных, которые и без того сгибались под нагруженной на них поклажей. Потом наступил вечер, и нужно было скорее разбивать лагерь в небольшом ущелье, недалеко от осыпи. Они даже не смогли разжечь костер и легли спать во влажном, холодном ледяном укрытии, поужинав твердыми как камень галетами.

Полночи Ластианакс ворочался, размышляя о ситуации, в которой оказался, о судьбе Гипербореи, об Арке, и на следующее утро проснулся очень рано. Удивительное дело: Сопот все еще спал – обычно караванщик поднимался первым и не упускал случая указать нанимателю на его лень. Стремясь хоть на несколько минут избавиться от присутствия неприятного проводника, Ластианакс тихо покинул убежище, облегчился и отправился на поиски дров. Пес последовал за ним.

Это была крупная пастушья собака с густым мехом, похожая на волка, откликавшаяся на имя Хатам. Пес потерял ухо и несколько кусков кожи, защищая своего хозяина от пещерных медведей. Казалось, он тоже рад возможности ненадолго улизнуть от Сопота.

Вместе они направились к небольшому перевалу, за которым Ластианакс надеялся найти защищенный от ветра косогор и несколько елей. Хатам легко трусил по снегу на своих широких лапах, почти не оставляя следов. Он добрался до перевала раньше Ластианакса и замер. Вздернул одно ухо, вытянул хвост, весь напряжился, вглядываясь вдаль. Потом пес залаял.

– Тише, Хатам!

Лучше не злить горы, а тем более Сопота, а то еще проснется. Хатам скулил и топал передними лапами по снегу, словно звал своего спутника, требуя как можно скорее подойти. Ластианакс кое-как преодолел разделявшее их расстояние, неловко переставляя ноги с закрепленными на них снегоступами, и наконец увидел, что находится за перевалом.

На треугольном плато прямо в снегу лежало несколько сотен гигантских птиц. Ластианакс немедленно распластался на камнях и заставил Хатама сделать то же самое. Пес тихо рычал, пока они наблюдали, как люди, одетые в военную форму, снуют между пятью огромными ледяными шатрами и прохаживаются между рядами птиц.

Ластианакс понял, что видит птиц рух, крылатых хищников, которые, как полагали, почти полностью вымерли во время войны четырех городов двумя веками ранее. Как и другие министры, маг рвал на себе волосы, когда василевс подарил Ликургу полуостров Огиги в обмен на очень старую и дряхлую представительницу этого вида, предназначенную для украшения его зверинца. Ластианакс вспомнил, что сказала ему Арка, когда они увидели во дворце ту облезлую птицу: «У Ликурга их полно, да не таких заморенных, как эта». Девочка была права.

Правитель Темискиры собрал армию солдат-птицеловов, и, по всей вероятности, эта армия собирается напасть на Гиперборею.

Эта новость привела Ластианакса в уныние, но в то же время принесла странное облегчение. Наконец-то он может принять решение. Больше нельзя гнаться за призрачной мечтой.

– Мы возвращаемся в Гиперборею, – сообщил он псу.

Хатам вздыбил шерсть на загривке: очевидно, присутствие неподалеку хищных птиц привело его в неистовство.

Разгребая руками и ногами снег, юноша отполз от края перевала, чтобы его не заметили часовые вражеского лагеря. Оказавшись, как ему казалось, вне зоны видимости, он поднялся и поспешил вернуться в ущелье. Хатам прыгал вокруг него и тявкал.

В их временном лагере Сопот как раз надел выючные седла на спины овцебыков. На небольшом участке почвы, где животные утрамбовали снег, караванщик развел костер, используя в качестве топлива сушеный навоз. Над огнем дымился котелок с чаем.

– Всегда только один человек трудится, – проворчал караванщик, едва Ластианакс подошел достаточно близко, чтобы это услышать.

Молодой человек проигнорировал шпильку и заявил:

– Поворачиваем обратно и возвращаемся в Гиперборею.

Сопот сделал вид, что ничего не услышал, и продолжил нагружать овцебыков, что-то бормоча себе под нос по-рифейски (Ластианакс подозревал, что проводник ругает своего нанимателя на чем свет стоит).

– Поворачиваем обратно и возвращаемся в Гиперборею, – повторил юноша, повышая голос. – Иначе человек не получит вторую половину оговоренной платы, – добавил он, подражая ломаному гиперборейскому языку караванщика.

Избирательная глухота у Сопота мгновенно прошла. Яростно выпучив глаза, он указал на мешки, которые собирался грузить на спины своих животных.

– Нет, не поворачивать, товар, – воскликнул он со своим гортанным рифейским акцентом. – Продать в Кембале, потом вернуться в Гиперборею.

Ластианакс понял, что хотел сделать проводник: еще две недели идти по склонам и ущельям, чтобы добраться до Кембалы, защищенной долины в самом сердце гор, где зимовал его народ, и продать там свои товары.

Маг уже какое-то время подозревал, что Сопот намеренно затягивает их путешествие, чтобы попасть туда, куда нужно ему, и совершенно не собирается помогать в поисках Арки. Реакция караванщика подтвердила его подозрения. Юноша вдруг почувствовал себя так, словно ему под нос сунули открытый мешок с перцем. Вокруг него начал таять снег. Сопот с тревогой посмотрел на свои сапоги: вокруг них собиралась лужа талой воды.

– Я заплатил вам за то, чтобы вы проводили меня через горы, а не за то, чтобы я сопровождал вас в Кембалу, – прорычал Ластианакс. – Я отдам вам вторую половину ваших денег, только если вы сейчас же отвезете меня в Гиперборею.

Арка

Голову Арки стиснула сильная боль. Виски сдавило так, что девочка не решалась открыть глаза. Перед ее опущенными веками горел красный свет – лучи палящего солнца. В голове эхом отдавалось непрерывное гудение. Толстые меха, в которые она была одета, казались невероятно тяжелыми, но, по крайней мере, сглаживали неровности почвы, на которой лежала девочка. В какой-то момент из всех этих ощущений выделился запах перегноя и золы и защекотал ноздри.

Арка никак не могла вспомнить, что делала минуту назад: мысли путались, ее словно оглушило. Наконец она решила встать, не открывая глаз. От этого движения тело будто расплылось на тысячи частиц, а потом снова обрело прежнюю форму. Арка открыла глаза.

На ее меховой куртке расплылось алое пятно. Арка с трудом сняла одну из рукавиц, поднесла руку к носу и поняла, что нижняя часть ее лица покрыта толстой коркой засохшей крови.

Ее ноги лежали на земле, покрытой папоротниками и сальфионами. В подлеске густо рос кустарник. Арка огляделась. Вокруг поднимались обугленные останки деревьев, черные голые пики среди буйной зелени. Головная боль постепенно проходила, и к девочке начали возвращаться воспоминания. Гиперборея. Рифейские горы. Пентесилея. Лавина.

Что она делает в этом месте, хотя должна быть погребена под слоем снега толщиной в три фута? Где она? Неужели лавина ей просто приснилась? Может, она до сих пор спит и видит сон?

Обожженные деревья походили на мрачных призраков, блуждающих среди невысоких кустов. Взгляд Арки остановился на самом толстом обугленном стволе, молчаливом свидетеле пожара, память о котором природа пыталась стереть. У его подножия росли папоротники, но между их листьями проглядывали почерневшие от огня доски. Еще ни разу в жизни Арка не приходила в такое замешательство.

Она находилась в лесу амазонок, рядом с останками своего дерева-хижины.

Девочка прижала пальцы к вискам. Она никак не могла попасть в лес амазонок, потому что он расположен в тысячах лиг от Рифейских гор. Возможно, она сейчас лежит под лавиной и бредит?

Впрочем, все ощущения казались вполне настоящими, начиная с ползающих по ее коже насекомых и заканчивая солнцем, припекающим ее макушку. И потом эти симптомы... Беспамятство, головная боль, кровотечение из носа – все это побочные эффекты сильного выброса магической энергии. Словно за секунду до того, как ее накрыла лавина, девочка сумела телепортироваться из Рифейских гор в лес амазонок. Вообще-то ни один человек на такое не способен.

Арка поняла, что от отца-лемура ей достались кое-какие способности.

Петрокл

Чем дольше длилось его заточение, тем пессимистичнее Петрокл оценивал свои шансы когда-либо выбраться из Экстрактриса живым. С тех пор как месяцем ранее гиперборейских магов взяли в заложники, тюрьма постоянно давала молодому человеку поводы думать о своей возможной скорой смерти.

После захвата магов в амфитеатре амазонки согнали их группами по тридцать человек в общие камеры тюрьмы, предварительно выпроводив оттуда бывших заключенных. Условия содержания в тюрьме были чудовищными. Помимо тесноты (ночью пленники лежали прямо на полу, прижавшись друг к другу) быстро выяснилось, что амазонки не собираются их кормить. Поскольку они не могли наладить снабжение тюрьмы, осажденной гиперборейской полицией, воительницы решили оставить большую часть еды для себя. Раз в три дня каждому заложнику выдавали по куску черствого хлеба – вот и все. В первые дни заключения Петрокл так мучился из-за чувства голода, что боялся сойти с ума. Спустя декаду болезненные спазмы в желудке утихли. Теперь молодой человек жил с ощущением постоянного головокружения, ноги у него дрожали, болела голова. Прежде ему и в голову не могло прийти, что можно так долго продержаться без привычного перекуса в виде булки с соусом.

Преимущество этого вынужденного поста заключалось в том, что нужда в некоторых потребностях отпала: в течение последней декады никто из сокамерников Петрокла ни разу не присел на корточки в углу камеры. Настоящее облегчение, учитывая, что амазонки заставляли пленников убирать свои нечистоты вручную.

Зато, коль скоро маги по-прежнему имели право на несвежую воду, питье и последующий вывод жидкостей оставались насущной проблемой, с которой Петрокл столкнулся лично. Из-за его юного возраста и апатичного поведения амазонки посчитали, что он идеально подходит на роль уборщика четвертого уровня тюрьмы.

Каждый день Петроклу приходилось разбивать лед на канале, соединявшем тюрьму с седьмым городским уровнем, наполнять водой деревянные ведра, а затем, неся по ведру в каждой руке, доставлять их на свой этаж. Потом он ставил ведра на старую скрипучую тележку и двигался с ней мимо разных камер четвертого уровня. Несколько раз останавливался, чтобы забрать ведра с мочой, которую в конце маршрута выливал в тюремную шахту для отходов.

В каждой камере всегда стояло лишь два ведра: из одного – пили, в другое – мочились. Амазонки часто заставляли Петрокла менять эти сосуды местами, они никогда не жалели усилий, чтобы лишний раз унижить магов.

Таким образом, Петрокл ежедневно проводил несколько часов, толкая свою тележку с ведрами, в которых весело плескались жидкости. Стоило колесу наехать на чуть выступающий камешек в полу, содержимое ведер расплескивалось, раз за разом пропитывая тогу молодого человека очередной порцией мочи. Петрокл чувствовал себя бродягой с первого уровня. Когда он возвращался в камеру, даже его товарищи по несчастью, лишённые возможности помыться с тех пор, как стали заложниками, замечали, что от молодого человека неприятно пахнет.

Шли дни, силы Петрокла истощались, и заниматься этим неблагодарным делом становилось все труднее и труднее. Тем не менее юноша с удивлением обнаружил, что даже из самой черной работы, которую ему прежде никогда не доводилось выполнять, можно извлечь кое-какую пользу.

Во-первых, благодаря обязанностям тюремного водовоза он мог на два часа в день выходить из переполненной камеры. Далее он имел привилегию пить воду, не смешанную с мочой. Прибегнув к своей едкой самоиронии, он даже сумел задобрить надзиравшую за ним амазонку: однажды она незаметно дала ему перчатки, и теперь его потрескавшиеся от колки льда пальцы

не так сильно страдали. Наконец, когда Петрокл таскал ведра и толкал тележку, он не чувствовал холода.

По сути, самым худшим в его заключении стала царившая в камере промозглая атмосфера. Как любой гипербореец, Петрокл никогда в жизни не мерз, поэтому удивился, обнаружив, насколько изматывающим может быть это ощущение. Как он ни расправлял полы тоги, стараясь прикрыть все тело, озноб пробирал его до костей. По ночам холод заставлял его трестись как осиновый лист и высасывал из тела последние запасы энергии. Даже когда надзирательницы отходили достаточно далеко, юноша не пытался воспользоваться магией, поскольку от истощения все равно ничего не смог бы сделать. Петроклу не нужно было лишний раз смотреть на свои худые руки, чтобы понять, что он мало-помалу превращается в ходячий скелет.

Впрочем, не он один находился в столь плачевном положении. Все двадцать девять магов, запертых с ним в одной камере, выглядели истощенными и осунувшимися. И снова им повезло: до сих пор никто из них не погиб. Раздавая воду, Петрокл неоднократно видел, как амазонки выносили из соседних камер безжизненные тела – в последний раз это был министр торговли.

Ко всем этим лишениям добавлялась постоянная неуверенность в завтрашнем дне. Узники не знали, что амазонки собираются с ними сделать, не понимали их целей; нескольких магов, осмелившихся задавать вопросы, пронзили копьями. Казалось, воительницы чего-то ждут, вот только чего? Никакой информации из внешнего мира в Экстрактрис не просачивалось. Заключенные могли только гадать и строить предположения. Петрокл чувствовал нарастающее беспокойство амазонок, словно событие, которого они ждали, никак не случится. Если в первые декады воительницы ликовали и всячески издевались над пленниками ради забавы, то теперь притихли. Они явно нервничали и сгорали от нетерпения.

– Вы заметили? Они тоже худеют, – прошептал однажды один из сокамерников Петрокла, дрожа от пронизывающего холода.

Он кивком указал на надзирательницу, сторожившую их камеру, молодую женщину с короткой стрижкой. Действительно, доспехи воительницы стали ей заметно велики. Именно эта амазонка подарила Петроклу перчатки. Заключенные ценили ее, так как она редко их била и не мучила, чтобы скоротать время. Петрокл иногда задавался вопросом, не оказалась ли она в точно такой же ситуации, что и они.

– Раз они вынуждены экономить еду, значит, у них заканчиваются продукты... – продолжал маг.

Амазонка внезапно повернулась к камере.

– А ну заткнитесь! – воскликнула она, ударяя копьем по металлическим прутьям.

Узники сразу умолкли, и в установившейся тишине звук загремевшей решетки отозвался звонким эхом. Старый маг, лежавший в углу комнаты, приглушенно заворчал. Петрокл прислонился к стене и повернул голову к узкому окну, в которое мог видеть кусок серого неба, наполовину скрытый одним из куполов Магистерiums. Что станут делать амазонки, если закончится еда? Чего доброго, надумают заняться каннибализмом, они же сущие варварки. В конце концов, всем известно, что они считают мужчин животными...

Взгляд молодого человека бездумно скользил по небосводу и вдруг зацепился за интригующую деталь. В сторону Экстрактриса летела большая хищная птица. Когда она приблизилась, Петрокл понял, что существо это намного крупнее, чем показалось на первый взгляд. Он не успел подойти ближе к окну: птица уже исчезла из поля зрения.

– Все еще надеешься, что Ласти нас спасет? Если он до сих пор жив, то, вероятно, уже присоединился к амазонкам вместе со своей мелкой девчонкой-воительницей.

Встревоженно размышляя о размерах увиденной им хищной птицы, Петрокл посмотрел на Родопа, сидевшего на полу чуть в стороне от него. Ну почему из всех одноклассников в соседи по камере ему достался именно тот, кто больше всего его злил?

– Докучай кому-нибудь другому. Я-то знаю, что твоя желчь проистекает из разочарования от того, что Пирра дала тебе отставку, – пробормотал юноша в ответ.

– Я часто задавался вопросом, как Пирра могла встречаться с кем-то вроде Ластианакса, – не унимался Родоп. – Скучный крючкотвор. Вечно ходил, уткнувшись носом в бумажки. И, кстати, нос у него горбатый.

– Даже нос Ластианакса более самодостаточен, чем ты, – раздраженно огрызнулся Петрокл.

Родоп громко и насмешливо рассмеялся.

– Когда твой хваленый Ласт придет нас освобождать, напомни мне сказать ему, что с тобой у него больше шансов, чем с Пиррой.

Петрокл ничего не ответил и отошел к решетке, стремясь положить конец неприятному разговору. Со своего места он видел огромный атриум, пронизывающий все здание снизу доверху, и многочисленные пешеходные мостки, соединяющие тюремные уровни друг с другом. Петрокл прислонился лбом к холодным металлическим прутьям и стал смотреть на своих товарищей по несчастью, томившихся в соседних камерах. Стоявшая в нескольких футах от их камеры тюремщица подозрительно посмотрела на молодого человека, но тут же потеряла к нему интерес. Несмотря на свой высокий рост, Петрокл никогда не производил впечатление внушительного человека. Здесь, в тюрьме, этот недостаток оказался весьма полезным.

В последний раз Петрокл видел Ластианакса на куполе Магистериума сразу после захвата заложников – если, конечно, это действительно был Ластианакс. Кто знает, выжил ли его друг? Сидя в тюрьме, Петрокл не имел возможности это выяснить. На протяжении последнего месяца он продолжал задаваться вопросом, какие причины побудили Ластианакса донести на самого себя ради сомнительного удовольствия присоединиться к своей ученице на арене. Сторонний наблюдатель со всей уверенностью заключил бы, что именно Арка убила министров и подготовила вторжение амазонок. Однако Петрокл считал, что процесс провели крайне поспешно, а главное, никто так и не упомянул загадочного лемура.

Молодой человек проклинал Ластианакса с его культом секретности, как вдруг по атриуму разнесся пронзительный звон сигнального колокола. Стоявшие в проходах амазонки сорвались с мест и бросились к наблюдательному посту. Петрокл ошеломленно смотрел, как убегает их тюремщица. Находившиеся в камерах маги столпились у решеток.

– Побег, – сказал Родоп, возвышая голос, чтобы сокамерники услышали его, несмотря на звон.

– Или вторжение, – возразил один из магов, указывая на вход в тюрьму, расположенный на седьмом уровне.

В самом деле, там, похоже, происходило какое-то движение, но что именно творилось, Петрокл не видел: мешали пешеходные мостки, затягивавшие межуровневое пространство, подобно паутине. Сжимая в руках копья, воительницы карабкались по лестницам группами по четыре человека, то и дело выкрикивая какие-то приказы. Петроклу подумалось, что амазонки добрались бы на вершину намного быстрее, если бы воспользовались левитаторами, но потом вспомнил, что живая лазурь на их поясах делает бесполезными любые магические изобретения.

Медленно тянулись минуты. Маги приникли к прутьям решеток и напряженно прислушивались, но сверху доносились только отрывистые голоса и лязг металла. Узники возбужденно обменивались вопросами вроде: «Что происходит?» и «Вы что-нибудь видите?». Вдруг между пешеходными мостками пролетело тело амазонки и упало на дно тюремного атриума. За первым трупом последовали два других. Через несколько минут по лестницам стали спускаться истекающие кровью воительницы. При виде такого беспорядочного бегства пленные маги разразились радостными криками, но быстро умолкли, потому что амазонки начали рассредотачиваться по камерам.

Петрокл видел, как их надзирательница приближается к их камере вместе с Барсидой, предводительницей амазонок: именно она вынудила молодых магов сбросить с парапета преподавателя магической механики. Все заключенные разом попятились к дальней стене. Женщины быстро отперли замок, вошли в камеру и снова закрыли за собой дверь.

– Первого, кто сделает хоть шаг, я проткну насквозь! – грозно вскричала Барсида, наставляя на узников копьё.

Петрокл вжался в стену, понимая, что амазонка не колеблясь перейдет от слов к делу. Мозг молодого человека лихорадочно работал. Петрокл не понимал, что происходит, но эти амазонки явно попали в затруднительную ситуацию. Раз они решили спрятаться в камере, оказавшись таким образом как можно ближе к заложникам, значит, у них не осталось пути к бегству. Юноша сглотнул и попытался ни о чем не думать. Никогда еще спасение не было так близко, однако смерть тоже подступила к ним вплотную.

По атриуму разносился глухой, drobный перестук: это грохотали по лестницам сотни сапог. В следующее мгновение Петрокл услышал удары, крики, хрипы и прочие отзвуки потасовки и резни, происходившей на верхних этажах. Застывшие возле решетки амазонки мертвенно побледнели, прислушиваясь к этой жуткой какофонии.

– Они поменяли план, – выдохнула надзирательница с короткими волосами. – Решили избавиться от нас!

– Не думала, что он посмеет, – рыкнула Барсида. – Его собственный ребенок...

Не закончив фразу, она резко повернулась на каблуках и окинула съжившихся от страха пленников мрачным взглядом – в ее глазах плескалась неприкрытая ненависть. Петрокл понял, что воительница собирается использовать узников в качестве живых щитов. Позади амазонок, на лестницах, начали появляться темискирские солдаты, одетые в коричневые плащи.

– Бесполезно, Барсида, они убьют их, чтобы до нас добраться, – сказала вторая амазонка.

Словно в подтверждение ее слов, солдаты, двигавшиеся группами по десять человек, начали ломать замки на ближайших решетках, ловко орудуя металлическими булавами. Петрокл видел, как они входят в камеры и безжалостно вспарывают животы магам, за которыми пытались прятаться сбежавшие амазонки. В атриуме запахло человеческими внутренностями. Молодой человек слышал, как некоторые его товарищи по несчастью стонут и всхлипывают. В другое время его непременно бы стошнило, но его желудок уже давно был пуст.

Группа солдат приблизилась к их камере, последней на этаже. Барсида снова поглядела на заложников, как будто до сих пор колебалась. Петрокл еще никогда не чувствовал, чтобы его сердце так быстро колотилось в груди, однако между каждым следующим ударом проходила целая вечность. В следующий миг он подскочил от неожиданности, потому что амазонка уронила копьё на пол.

– Они сделают вид, будто явились вас спасти, хотя на самом деле это именно они все придумали, – резко сказала Барсида.

Она расстегнула застежку под подбородком, сняла с головы шлем, украшенный белым плюмажем, и поставила его на пол рядом с копьём. Ее напарница последовала примеру предводительницы и отперла дверь камеры.

– Мы сдаемся! – выкрикнула Барсида, обращаясь к бегущим по проходу солдатам.

На секунду темискирцы замешкались, очевидно, удивленные неожиданной капитуляцией амазонок, но быстро опомнились. Они вошли в камеру, выставив перед собой копьё. Четверо заставили амазонок лечь на пол, остальные оттеснили пленников еще дальше к стене.

В камеру вошел человек лет шестидесяти с густыми черными бровями; в отличие от простых солдат, его броня была богато украшена. Одну руку он вскинул, держа воительниц на мушке, благо его предплечье охватывали наручи, оснащенные специальным механизмом, стреляющим дротиками. Он оглядел расprostертых на земле амазонок – солдаты прижимали их коленями к полу, – а также скупившихся у дальней стены магов.

– Какая приятная встреча, Филон, – насмешливо выплюнула Барсида, лежавшая уткнувшись щекой в пол.

Похоже, эта шпилька не понравилась вновь прибывшему.

– Эту запирайте в камере-одиночке, – сухо приказал воин, указывая на Барсиду.

Потом кивнул на амазонку с короткими волосами:

– Эту убить.

– Нет! – закричала Барсида.

Ее напарница, прижатая к полу солдатами-птицеловами, рванулась из последних сил, но два здоровенных темискирца не дали ей сбежать. Один вытащил из ножен кинжал, второй схватил женщину за волосы и оттянул ее голову назад. Петрокл в ужасе наблюдал, как амазонка бешено вращает глазами. В следующий миг солдат-птицелов перерезал ей горло от уха до уха. Кровь брызнула потоком и залила пол, алая лужа подступила к ногам магов. Амазонка конвульсивно задергалась. Петрокл никогда не думал, что бывает такая долгая и мучительная смерть.

Темискирец с угольно-черными бровями повернулся к потрясенным, перепуганным магам:

– Вы останетесь здесь еще на некоторое время. Это для вашей же безопасности.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он вышел из камеры. Следом за ним солдаты выволокли наружу упирающуюся Барсиду, пригнув ее голову почти к самому полу, потом вытащили окровавленный труп амазонки и заперли дверь, воспользовавшись связкой ключей, предварительно снятой с пояса убитой воительницы. Маги остались в камере, залитой кровью. Все они гадали, действительно ли освободились от амазонок или, напротив, угодили в лапы еще более грозного врага.

3

Гиперборея нас поблагодарит

Арка

Арке потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к последствиям своей неожиданной телепортации в Аркадию. Сначала она даже не могла подняться: от усталости все мышцы так ломило, что они едва двигались. С горем пополам девочка все же встала и на трясущихся ногах зашагала по руинам своего дерева-хижины, от которого остались лишь поросшие лианами почерневшие балки и черепки разбитых амфор. Вдруг она споткнулась о небольшой, поросший цветами холм и упала, уткнувшись носом в нежные листья элафор. В нескольких дюймах от ее лица в землю была воткнута ржавая сабля. Амазонки никогда не бросали оружие без причины: на самом деле это было место погребения. Могила Широн.

Арка не знала, кто похоронил ее опекуницу. Она всегда думала, что после пожара от тела Широн ничего не осталось. Это зрелище ее потрясло. Девочка поднялась и пошла прочь от могилы и руин своего старого дома.

Как и в тот, последний раз более двух лет назад, ноги сами привели ее на берег Термодона. По крайней мере, река не изменилась, по-прежнему неторопливо текла на своем законном месте. На противоположном берегу раскинулась нетронутая огнем часть леса – очевидно, после пожара амазонки отступили туда. Ветви эвкалипта протянулись над рекой, словно пытаясь прикоснуться к обгоревшим останкам своих павших собратьев. Вода преградила дорогу пламени. Ранив поджигателя, ответственного за случившуюся катастрофу, Арка помешала ему пересечь Термодон и опустошить остальную часть леса. Девочка снова и снова вспоминала, что этот человек, убийца Широн, был создателем ее отца-лемура. При мысли о том, что она связана с этим негодяем, Арка испытывала глубокое отвращение.

Она провела на берегу остаток дня и всю ночь. Несмотря на успокаивающее присутствие водного потока, Арка напоминала себе растение, которое безжалостно выдернули из привычной почвы и воткнули в песок. Телепортировавшись в Аркадию, она оставила в Рифейских горах Карапуза. Хотя ее конь порой проявлял удивительную сообразительность, его судьба так беспокоила девочку, что она даже попыталась вернуться в горы, как только почувствовала, что немного отдохнула. Увы, как бы сильно она ни концентрировалась на точке назначения, как бы ни напрягалась, ее попытки перенестись в горы не увенчались успехом. Оставалось лишь надеяться, что Карапуз сумеет выбраться из Рифейских гор живым.

А что случилось с Пентесилеей? Этот вопрос все время вертелся у Арки в голове. Дочь царицы Антиопы, с которой Арка вместе училась в лесу амазонок, упомянула некоего «хозяина». Неужели царевну тоже превратили в лемура? Это могло бы объяснить, как Пентесилее удалось выжить после полученных в Напоке смертельных ран. Арке не верилось, что царевна добровольно присоединилась к повелителю лемунов, заклятому врагу амазонок. По крайней мере, сейчас Арка оказалась в непосредственной близости от своего родного племени. Теперь только воды реки отделяли ее от воительниц.

Однако поток слишком глубокий, вброд не перейдешь, а плавать Арка не умела. Она могла бы попытаться заморозить поверхность реки, но в середине Термодона, под ветвями эвкалиптов, начиналась синяя зона. В любом случае теперь, когда она вернулась в Аркадию, использовать магию опасно. И все же девочке так сильно хотелось зажечь огонь щелчком пальцев, что кончики пальцев зудели. Она заставила себя проглотить несколько сырых моллюсков, которых собрала на берегу, – этим маленьким хитростям, необходимым для выживания, ее научила

Широн. К сожалению, никакого удовольствия эта трапеза Арке не принесла: гладкие скользкие улитки вызывали у нее тошноту.

Пройдясь по берегу Термодона, Арка обнаружила, что большие стволы эвкалиптов, которые прежде служили мостами, исчезли. Амазонкам пришлось убрать их, дабы использовать реку как естественную преграду. Остался лишь один путь через поток – брод, расположенный примерно в восьми лигах ниже по течению. Хороший боевой скакун из конюшен амазонок мог преодолеть это расстояние за несколько часов. Тринадцатилетнему двуногому человеку потребовался бы целый день.

На следующий день после телепортации Арка отправилась в путь, меховую куртку она сняла и несла в руках, оставшись в сапогах и майке. Чем больше река расширялась и изгибалась между скалами, тем сильнее Арка нервничала из-за перспективы возвращения к амазонкам. До сих пор она думала лишь о том, как бы сбежать от повелителя лемурув, и никак не ожидала, что воссоединение с родным племенем произойдет так скоро. Уезжая из Гипербореи, она полагала, что путешествие в Аркадию займет несколько месяцев и у нее будет много времени на размышления.

В конце концов, когда девочка добралась до мелкого участка реки, по которому можно было перейти на западный берег, ее живот словно превратился в сплошной комок нервов. Брод охранялся: на противоположном берегу стоял небольшой отряд амазонок на быстрых лошадях. Конические шлемы воительниц блестели на солнце, а на их инкрустированных живой лазурью поясах висели рога, чтобы в случае опасности можно было протрубить тревогу. У воды стояла груженная зерном телега, на облучке которой сидела крестьянка-илотка и ждала разрешения на ввоз своего груза: ни один мужчина не имел права входить в лес.

Амазонки посторонились, пропуская телегу, и крестьянка принялась усиленно погонять быков, заставляя их перейти через поток. Глядя, как выючные животные тяжелой поступью взбираются на противоположный берег, а потом медленно исчезают за эвкалиптовыми деревьями на другой стороне, Арка бросила сапоги и меховую куртку в заросли папоротника, спрятала браслет-крылья в карман и босиком зашагала к воительницам.

Несмотря на минувшие два года и множество испытаний, выпавших на ее долю с тех пор, как девочка покинула лес, она как никогда страшилась встречи со своими старшими соплеменницами.

Было бы поистине большой неудачей, встретить Арка воительниц, знавших ее в детстве, однако ее народ насчитывал несколько тысяч бойцов, и девочка испытала облегчение, увидев, что все дозорные ей незнакомы. Женщины подозрительно наблюдали за приближавшейся к ним девочкой. Арка надеялась, что ее майка сойдет за одну из туник, которые носили юные амазонки.

– Ну, и чего ты хочешь? – резко поинтересовалась самая высокая амазонка.

– Перейти на тот берег и попасть на свое дерево-хижину, – в тон ей ответила Арка.

– Ты ученица? Что ты делаешь за пределами леса?

– Да, – сказала Арка. – Я ученица из числа тринадцатилеток. Упала в воду выше по течению, и река вынесла меня на северный берег, – солгала она.

– Кто твоя мать?

– Я воспитанница Темис.

Эта ложь сорвалась с ее губ сама собой. Темис была старой подругой Широн и единственной амазонкой, которой была небезразлична ее судьба. Арка никогда особо не любила Темис, но знала, что может рассчитывать на молчание старой воительницы. Она скрестила пальцы за спиной, отчаянно надеясь, что дозорные проглотят ее рассказ.

– Кто-нибудь знает эту Темис? – спросила высокая амазонка, поворачиваясь к напарницам.

– Вроде бы это старая ветеранка из третьей дивизии, – ответила одна из амазонок. – Никогда не слышала, чтобы у нее была воспитанница, но при мне никто никогда и не говорил, что у той ее нет.

– Я могу вас к ней отвести, – тут же предложила Арка.

– Нет, не нужно. Давай, проходи и в следующий раз не падай в реку.

Арка поспешно прошмыгнула мимо всадниц, пока они не передумали. Термодон тек с гор, обрамлявших лес амазонок с юга, и воды реки были холодны как лед. Девочку пробирала дрожь, пока она шлепала по воде, доходившей ей до середины бедер. Босые ноги скользили на неровной, скользкой гальке, устилающей речное дно.

Она ступила в тень деревьев и подняла глаза вверх, к кронам. Растущие в Аркадии эвкалипты обладали способностью распространять воздействие живой лазури. Дюжина самородков, помещенных внутрь нескольких старых деревьев-хижин, создавали синюю зону, охватывавшую многие сотни гектаров. Сеть корней и ветвей действовала как единый гигантский отражатель магии. Арка коснулась поверхности воды кончиками пальцев и попыталась заморозить небольшой участок. Ничего не произошло. Она действительно вернулась домой, в лес амазонок.

Девочка вышла из воды на противоположный берег. У брода начинались три хорошо утопанные дороги, скрывавшиеся в лесной чаще. Арка обернулась и обнаружила, что караульные наблюдают за ней с явным подозрением. Следовало поскорее выбрать одну из дорог, вот только куда идти? Ее опекунша мертва, их дерево-хижина уничтожено; девочка не знала даже, где сейчас тренируется группа учениц, в которую она когда-то входила. Ведь теперь на северном берегу остались лишь обугленные стволы деревьев. В памяти снова всплыло имя Темис. Арка смутно припоминала, где живет старая воительница. Это лучше, чем ничего.

Она зашагала по левой дороге, морщась всякий раз, когда колючки впивались в ее ступни. Жизнь в Напоке, а затем в Гиперборее сделала ее ноги мягкими и нежными, а ведь прежде она спокойно бегала по тропинкам леса амазонок босиком, не испытывая никаких трудностей. В остальном Арку удивляло то, насколько знакомым оказался окружающий ее лес. Стволы напоминали ей гиперборейские башни. Дома лепились к верхушкам эвкалиптов, как наросты на напокских дубах. Тут и там размещались сделанные из обструганных кольев загоны для лошадей, в которых били копытами резвые скакуны. Вдоль ручьев примостились мастерские, занимающиеся изготовлением изделий из металла и кожи. Повсюду расхаживали амазонки.

Каждый раз, проходя мимо одной из воительниц, Арка чувствовала гордость – слишком разительный контраст представляли эти женщины по сравнению с уроженками Напоки или Гипербореи. Они передвигались большими шагами, выкрикивали приказы, передавая их от дерева к дереву, скакали верхом по лесным тропам, охотились на горных львов и диких коз, украшали руки боевыми татуировками и отрывали, если им этого хотелось. Увидев их, Арка сразу вспомнила, почему всегда мечтала стать амазонкой.

На одной поляне она увидела тренировку всадниц. Арка наблюдала, как воительницы отрабатывают упражнения, и представляла, как сама участвует в этих занятиях вместе с Карапузом. Потом девочка вспомнила, что ее конь сейчас в тысячах лиг отсюда. С тяжелым сердцем она продолжила путь, пытаясь сосредоточиться на дороге, лишь бы не думать больше о своем четвероногом товарище. По мере того как Арка продвигалась вперед, в ее памяти все яснее проступала дорога к дому Темис: «Вот вымощенный камнями проход... А потом, да, направо, по тропе, что спускается к потоку... Нужно повернуть к сожженному молнией эвкалипту... и двигаться вдоль реки...» День подходил к концу, когда девочка вышла на большую, поросшую сочной травой поляну, которую женщины-лесорубы расширяли, вырубая соседние деревья. Здесь паслись кобылы со светлыми боками и черными гривами, вокруг них бегали жеребята. Арка шла по траве, предусмотрительно обходя боевых кобыл и их потомство. Нако-

нец она добралась до подножия большого эвкалипта, на вершине которого угнездилась полуразрушенная хижина.

Вместо железных шипов, которые обычно служили лестницей, к стволу были приколочены неровные доски – знак того, что здесь живет старая амазонка. Арка поднялась по ступенькам, машинально ведя ладонью по бледной коре: этот привычный ей с детства жест обрадовал девочку, словно неожиданная встреча с давно потерянным другом.

На полпути ее пальцы наткнулись на шишку в форме креста: в этом месте глубоко в ствол был воткнут самородок живой лазури. За много лет дерево, разрастаясь, покрыло инородное тело, так что остался лишь выпуклый шрам. Эвкалипт Темис был одним из десятков деревьев, распространявших синюю зону по всему лесу, как и дерево-хижина Широн, уничтоженное пожаром. Арка продолжила свой подъем и в конце концов добралась до изрытого червями пола террасы. Она пролезла через люк, не подавая голоса: девочка знала, что скрип досок насторожил обительницу дома. Через несколько секунд из дома вышла Темис.

Если бы Арке пришлось использовать какое-то одно слово, чтобы описать Темис, она бы выбрала определение «собранная». Коренастая, с короткими седыми волосами и смуглым лицом, подруга Широн взирала на мир цепким взглядом узких глаз, обрамленных глубокими морщинами. У нее не было половины правого уха – старая рана, напоминание о полях сражений. Однако вся суровость амазонки в мгновение ока исчезла, стоило ей увидеть Арку. Девочка запоздало подумала, что не заготовила никаких приветственных слов по случаю встречи.

– Здравсьте, – только и сказала она.

– Я не видела тебя два года, – отрывисто проговорила Темис своим хриплым от постоянного курения голосом.

В следующую секунду она вновь стала невозмутимой, как скала, – именно такой ее помнила Арка.

– Ты могла бы навестить меня раньше, – продолжала старая амазонка. – Я-то думала, ты погибла в пожаре вместе с Широн.

– Напрасно вы так думали, – пробурчала Арка, чувствуя необходимость оправдаться.

Темис сдвинула брови и почесала седую макушку.

– Верно, я так и не нашла твои останки, – признала она. – Я похоронила Широн у подножия вашего дерева-хижины, а на могиле оставила саблю, которую она мне когда-то подарила. Я прихожу туда время от времени, если возникает такое желание, – уточнила она сухим тоном.

Она смерила Арку взглядом и добавила:

– Ты выросла. Правда, мускулы так и не нарастила. И все такая же бледная.

Арка вдруг вспомнила, почему никогда особо не любила Темис. Старая амазонка подошла к девочке и критически оглядела майку, оставшуюся от перехода через Рифейские горы. Арка заметила, что карие радужки глаз пожилой амазонки побелели, – похоже, у нее развивалась катаракта.

– Что же ты делала два года? Ведь в лесу тебя не было, а?

– Я жила в деревне илотов на востоке, – с ходу соврала Арка и безразлично пожала плечами.

Темис прищурилась:

– Ты лжешь. Лгунья из тебя никудышная, и всегда так было.

– Неправда, я очень хорошо умею врать, – возмутилась Арка.

Она тут же сообразила, что сморозила глупость, и попыталась исправить положение:

– В любом случае бесполезно рассказывать вам правду, вы бы мне все равно не поверили.

Темис презрительно фыркнула, повернулась и пошла обратно в свою хижину.

– Ты и раньше никогда не делала то, что положено. Садись, я принесу чай.

Удивленная таким приглашением, Арка не сдвинулась с места, а за стеной хижины амазонка чем-то позвякивала и шуршала. Наконец девочка все же села на одно из старых ошку-

ренных бревен, лежавших на террасе. Через несколько минут циновка, закрывавшая дверь, приподнялась и показалась Темис с чайником и двумя выщербленными пиалами в руках. Арка вскочила.

– Ты стала такой вежливой, – усмехнулась амазонка. – Вот, возьми пиалу с чаем. Я недавно его заварила, так что еще вполне можно пить.

Арка снова села и пригубила горьковатый напиток; чай оказался чуть теплый, как и прием, оказанный ей пожилой хозяйкой. От отвара, в котором плавали высушенные цветы эвкалипта, у девочки запершило в горле. Арка с тревогой осознала, что определенные хорошие манеры все же прилипли к ней без ее ведома: например, она чувствовала потребность поддерживать разговор, дабы заполнить неловкое молчание. Однако она сдержалась, чтобы не вызвать еще большее недовольство Темис.

Девочку удивляло показное равнодушие старой воительницы: неужели Темис впадает в старческий маразм?

Или же все дело в том, что одиночество сделало старуху еще молчаливее, чем прежде. Арка наблюдала, как амазонка набивает трубку, достает огниво и трут, высекает искру и закуривает. Все ее движения выглядели уверенными и точными. Темис закрыла табакерку, прислонилась к стене хижины и от души затаилась. В головке ее трубки затрещали травы.

– Ты была с Широн?

Дальнейших объяснений не требовалось: Арка сразу поняла, о чем спрашивает воительница.

– Да, – ответила она. – Я видела, как Широн умерла.

Девочка сделала большой глоток чая, надеясь, что Темис не станет расспрашивать дальше.

– Расскажи, как она умерла.

Арка опустила глаза и стала рассматривать листочки, осевшие на дно пиалы. Возможно, ей настолько же тяжело говорить о смерти своей опекуны, как Темис тяжело об этом спрашивать.

– Ее убил темискирец, который поджег лес. Он пришел за самородком живой лазури, находившимся в нашем дереве-хижине. Широн пыталась защитить самородок, но темискирец применил магический взрыв. Широн обгорела, ее отбросило взрывной волной.

Темис кивнула и снова затаилась.

– А ты, почему ты уцелела?

Вопрос прозвучал как обвинение. Арка согнула ноги, подтянув колени к груди. Сколько раз она спрашивала себя о том же? Долгое время девочка списывала свое спасение на счастливое стечение обстоятельств, но теперь знала, что удача тут ни при чем.

– Из-за проклятия, – ответила она.

– Кто тебе рассказал о проклятии?

– Широн, – солгала Арка. – Незадолго до смерти.

Амазонка что-то неразборчиво проворчала и выпустила несколько завитков дыма.

– Широн никак не могла тебе этого рассказать, ты тогда была слишком юна. А главное, ты не проклята. Твоя мать была илоткой, а вовсе не потомком основательниц.

Арку безмерно удивили эти слова. Широн никогда не говорила девочке, что ее мать происходила из обитавшего в этих местах народа, и сама Арка никогда не рассматривала такую возможность. В конце концов, со своими светлыми волосами и голубыми глазами она не очень походила на илотку, хотя форма ее скул была типично аркадийская. Во всех амазонках текла кровь илотов, отчасти потому, что их прародительницы смешивались с туземцами, или потому, что многие, как, например, Темис, происходили из деревень, расположенных вдоль границы леса. Порой некоторые воительницы рождались с ярко выраженными гиперборейскими чертами внешности – в основном это были прямые потомки основательниц. До сих пор Арка счи-

тала себя потомком одной из них и думала, что проклятие перешло на нее и по материнской, и по отцовской линии. Однако, похоже, она находится под действием лишь одного проклятия – зеркального. Она предпочитала не думать о том, что будет, если кто-то из амазонок узнает, что достаточно избавиться от нее, чтобы положить конец этой постоянной угрозе.

– Мы жили бы по-другому, если бы проклятия не существовало? – тихо спросила она. Темис выдохнула дым.

– Нет. Большая часть нашего народа происходит не от основательниц. К тому же мы слишком долго живем под защитой живой лазури, теперь она уже часть нас.

Арка не ожидала такого ответа. До сих пор она пребывала в убеждении, что повелитель лемунов стремился оставить ее в Гиперборее, чтобы проклятие продолжало действовать и амазонки были бы вынуждены и дальше жить под его гнетом. Если воительницы довольны своей жизнью под сенью живой лазури, почему хозяин лемунов так старался удержать Арку в городе?

– Ладно, и зачем же ты сюда явилась? – спросила вдруг Темис, резким движением кладя трубку на бревно.

Погрузившись в задумчивость, Арка подпрыгнула от неожиданности.

– Мне некуда идти, – ответила она.

– Что, илотам ты больше не нужна? – насмешливо поинтересовалась Темис.

Арка ограничилась тем, что бросила на воительницу мрачный взгляд, и та неодобрительно цокнула языком.

– Я не занимаюсь благотворительностью, – проскрипела она, – особенно по отношению к девчонке, которая ни разу за два года не нашла времени навестить меня, да еще и врет мне напрапалую.

Арка не ждала большой помощи от Темис, но все же надеялась, что амазонка даст ей приют хотя бы на несколько дней. Девочка уже приготовилась провести ночь у подножия дерева, как вдруг Темис добавила:

– Поэтому, если хочешь получить кров и еду, придется работать.

Арка выпрямилась, спрашивая себя, какую сделку предложит ей старуха. Пожилая амазонка встала и вытащила из стоявшего на террасе ведра фонарь со светлячками. Темис встряхнула фонарь, и заточенные в стеклянном сосуде насекомые засветились, так что на морщинистое лицо воительницы легли дрожащие отблески, придав ему угрожающий вид. Темис подняла фонарь выше, освещая изъеденную червями террасу, стены дома, испещренные широкими щелями, и прохудившуюся крышу.

– Тут полно работы, а я слишком стара, чтобы всем этим заниматься. Завтра я договорюсь насчет досок с амазонкой-столяром, отвечающей за наш участок леса. Поможешь мне подправить все это. В твоих же интересах справиться с делом побыстрее, иначе можешь искать себе другое место для ночевки. Что скажешь?

– Согласна, – ответила Арка после секундного размышления.

– Хорошо, тогда я схожу за едой, – отрывисто заключила амазонка.

С этими словами она поднялась и скрылась за циновкой. Арка с облегчением перевела дух, уткнулась подбородком в колени и вдохнула пьянящий аромат, исходивший от еще дымящейся трубки. Широн тоже любила курить на террасе. Наверное, они с Темис часто сидели вот так на бревнах и смотрели, как солнце опускается над лесом. Арка пошевелила грязными пальцами ног. Она всегда думала, что отношения между Темис и Широн испортились из-за того, что последняя взяла на воспитание Арку. Девочке всегда казалось, что Темис недолюбливает ее именно по этой причине, хотя никаких доказательств этого у нее не было. У девочки накопилось множество вопросов, но теперь ответы на них уже не получить, ведь ее опекунша умерла.

Амазонка вернулась, неся две миски холодного бульона. Одну она вручила Арке и снова уселась на бревно. Девочка поглядела в миску: в жирном вареве плавали шкурки съедобных

клубней, такие же «аппетитные», как обрезки ногтей. Впрочем, Арка уже два дня ничего не ела, если не считать проглоченных у реки моллюсков, и живот у нее заурчал от голода. Она сделала несколько глотков бульона и вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Почему вы с Широн разругались? – спросила она ни с того ни с сего. – Потому что Широн взяла меня на воспитание?

Темис, шумно хлебавшая бульон, насмешливо оскалилась:

– Ты всегда была надоедливym ребенком, но с твоим присутствием я бы как-нибудь смирилась. Нет, к тебе это не имеет никакого отношения.

Арке вдруг стало легко на сердце.

Темис резко отставила пустую миску, показывая, что эта тема закрыта.

– Ты закончила? – спросила она, беря фонарь со светлячками. – Давай сюда миску. Я тебе кое-что принесу.

Арка повиновалась и с любопытством наблюдала, как амазонка сгорбившись уносит посуду в дом. Сквозь широкие трещины между досками стены просачивался свет фонаря, из хижины доносилось постукивание и шуршание – старая воительница что-то искала. Наконец Темис вернулась, неся в одной руке фонарь и сложенный гамак под мышкой. В другой руке она держала синий самородок.

– Я нашла его в дюжине шагов от тела Широн, – кратко пояснила она. – Должно быть, его далеко отбросило, когда поджигатель взорвал ваше дерево-хижину. Очевидно, это единственная вещь, не уничтоженная пожаром. Возьми его.

Она протянула девочке маленький кусок металла. Арка взяла его, повертела в пальцах. От самородка исходило едва заметное сияние. Это был кусочек живой лазури, который Арка неизменно видела на поясе Широн. Удивительно, что Темис сохранила этот самородок. У амазонок отсутствовало понятие собственности, ничто не передавалось по наследству. После смерти воительницы все ее вещи отходили общине, и в первую очередь это правило распространялось на самородки живой лазури. Арка подняла глаза на старую амазонку.

– Спасибо, – прошептала она.

В ответ Темис что-то неразборчиво проворчала, снова взяла трубку, сделала несколько затяжек, а потом отправилась спать. Арка повесила на террасе гамак и улеглась, но сон не шел, и девочка ворочалась с боку на бок, перекатывая самородок между большим и указательным пальцем. На его неровных гранях поблескивал свет луны. Арка слушала крики иглоногих сов, перемежающиеся раскатистым кваканьем жаб. Несмотря на холодность Темис, неудобный гамак и суровую аркадийскую жизнь, девочка вдруг почувствовала себя счастливой. Она – дочь леса, с детства сроднившаяся с сетью корней и ветвей, которые ее питали и взрастили. Лишь вернувшись сюда, Арка в полной мере это осознала. Она сжала в кулаке самородок живой лазури, смежила веки и наконец заснула.

Эмброн и Тетос

Толпа горожан хлынула к земляным валам северного квартала, народ собирался недалеко от рухнувшей башни. Вот уже несколько часов по первому уровню расхаживали глашатаи, объявляя о грядущей торжественной встрече Ликурга. Эмброн и Тетос энергично расталкивали всех локтями: стражникам не терпелось поглядеть, кого гиперборейцы так стремительно назначили освободителем города.

Минувший месяц выдался очень тяжелым для всех. Во-первых, на привыкших к теплу людей обрушился холод, многочисленными жертвами которого стали самые уязвимые слои населения: маленькие дети, старики и бедняки с первого уровня, не имевшие крыши над головой. Затем начался голод, поскольку караваны с товарами больше не приходили в город. Воспользовавшись ситуацией, кланы захватили склады караван-сараев и продавали хранившиеся там продукты по баснословным ценам. Неуверенность в завтрашнем дне окончательно подорвала моральный дух гиперборейцев.

Таким образом, когда несколькими днями ранее прилетела сотня птиц рух и сбросила на голодающий город мешки с продовольствием, жители поверили в чудо. Вслед за этим в город вошла темискирская армия и захватила тюрьму Экстрактрис, убив амазонок и заточив выживших, и гиперборейцев охватило ликование. Теперь весь город готовился радостно приветствовать своих спасителей.

Эмброн и Тетос в конце концов сумели протолкаться к земляным валам. На занесенном снегом лугу, отделявшем крепостные стены от первых башен, колыхалось настоящее людское море. За стеной прибытия Ликурга дожидался почетный караул, состоявший из солдат-птицеловов и гиперборейских полицейских. Перед выстроившимися в ряд солдатами стоял маг с огромным животом.

– Кто это, вон там? – спросил Тетос.

– Это Силен, заместитель верховного судьи, – важным тоном знатока ответил Эмброн. Он только что услышал, как две девочки пересказывали друг другу эту информацию. – Он теперь новый эпарх.

– А где все остальные маги?

На крепостной стене стояло лишь несколько фигур в пурпурных тогах, они почти терялись на фоне многочисленных солдат-птицеловов в коричневых плащах. Полы плащей развеивались под порывами ледяного ветра, врывавшегося в город через брешь в куполе.

– Многие маги погибли в Экстрактрисе. По моим сведениям, около сотни, – ответил Эмброн.

Из колышущейся толпы вышла молодая симпатичная брюнетка с зелеными глазами, и стражник выпятил грудь, стремясь произвести на девушку впечатление своей осведомленностью и зычным голосом. Он тщательно взвешивал слова, чтобы ненароком не проболтаться об истинном источнике своих познаний – болтовне двух маленьких девочек.

– Да, но где остальные маги, те, что выжили?

– Ну, наверное, приходят в себя на седьмом уровне, как раньше, – вывернулся Эмброн. – О, гляди-ка, похоже, прибывает темискирский василевс.

– Ликург, полемарх?

– Да-да, Ликург, точно.

– Вид у него какой-то бледный. Не идет ни в какое сравнение с нашим-то василевсом.

– Да, только нашего василевса убила сопливая девчонка.

– Не просто девчонка, а амазонка.

– Кстати, что с ней стало, с той малявкой?

– Ну, так ведь ее казнили, разве нет?

Стражники умолкли, потому что Силен, важно надувшись, вышел вперед, навстречу Ликургу. – Тот и впрямь выглядел неважно. Полемарх кутался в меха, как младенец в пеленки, и опирался на руку адъютанта. Силен по-братски сжал его плечо, потом поднес ко рту магический рупор и обратился к толпе:

– Гиперборейцы! Гиперборейцы! Последние несколько декад стали для всех нас суровым испытанием, ни с чем подобным мы еще ни разу в жизни не сталкивались! Никогда еще смелость и стойкость нашего народа не подвергались подобной проверке. Время оплакать погибших, ставших жертвами холода и варварского нападения свирепых фурий, ворвавшихся в наш город. Давайте восславим отвагу темискирских солдат и их полемарха! Они наши друзья. В час нужды они откликнулись на мой призыв о помощи, тем самым став нашими братьями. Сегодня благодаря им я счастлив сообщить вам, что отныне мы избавлены от ига амазонок!

Воздух взорвался торжествующими криками, которые эхом отразились от крепостных стен и купола. Эмброн и Тетос присоединились к всеобщему славословию, крича: «Да здравствует Ликург!» и «Да здравствует Темискира!». Несколько мгновений Силен слушал рев толпы, тепло улыбаясь, потом, когда выкрики немного стихли, снова заговорил:

– После кончины нашего горячо любимого василевса, а также смерти членов Совета обязанность по восстановлению нашего города тяжким грузом ложится на мои плечи. Однако что такое город? Город – это не только башни, стены, купол. Нет! Город – это намного больше! Город – это сообщество людей, единомышленников в своем стремлении к процветанию и к...

Выступление мага все продолжалось. Двое стражников утратили нить витиеватой речи Силена, да она их и не интересовала. Эмброн попытался привлечь внимание зеленоглазой девушки, бросая на нее многозначительные взгляды, но девица так сосредоточенно внимала словам нового эпарха, что ничего не замечала. Раздосадованный, Эмброн стал беседовать с Тетосом на свою любимую тему – тщательный сравнительный анализ качеств их доспехов. После ожесточенного спора приятели сошлись на том, что вынужденная диета последних декад положительно сказывается на посадке их нагрудников. Эмброн хотел было вернуться к девушке, поглядеть, впечатлила ли ее проявленная им стойкость, как вдруг его ушей достигли обрывки речи, и услышанное его встревожило.

– Мы восстановим наш купол. Все вместе. Это часть нашей судьбы, ведь мы все гиперборейцы. Решено! С завтрашнего дня вводится новый налог, чтобы наш город вновь мог сиять, подобно горному хрусталу.

– Что это еще за налог? Они что, урежут нам жалованье? Нам в этом месяце вообще не заплатили...

Очевидно, Силен уловил пробежавшее по толпе недовольное ворчание, потому что тут же добавил жизнерадостным тоном:

– Уверяю вас, для реставрации купола мы не собираемся запускать руку в ваши кошельки. («А-а-а», – протянул Тетос.) Нет-нет, все, что нам нужно в качестве налога, это... анима. Этот добровольный взнос в виде вашей энергии начнет взиматься в ближайшие дни. Для участия в благом деле достаточно просто прийти к дверям Экстрактриса, где вас подвергнут небольшой магической операции: процедура быстрая, безболезненная и не вызывает никаких побочных эффектов, разве что легкую усталость, но она быстро пройдет. Взамен всем, кто внесет свой вклад, будут бесплатно выдавать продукты.

При упоминании продуктов Эмброн и Тетос восторженно переглянулись.

– Вот это дело, – сказал Эмброн.

– А нам тоже дадут еды, хоть мы и полицейские? – встревожился Тетос.

– Конечно, дадут, болван! Он же сказал «всем, кто внесет свой вклад».

– Ах, точно, ты прав. Когда пойдем?

– Не советую вам туда идти.

Эмброн и Тетос разом обернулись и с удивлением посмотрели на темноволосую девушку – она подошла к ним вплотную и спокойно взирала на них своими зелеными глазами. Смысл сказанного ею моментально вылетел из крепких голов приятелей: стражники решили, что девица просто хочет привлечь их внимание. Эмброну вдруг стало очень жарко: нельзя упускать такую блестящую возможность познакомиться с красавицей, раз уж ему улыбнулась удача.

– Вы сейчас идете домой? Мы можем вас сопровождать, если желаете.

Девушка обожгла стражников холодным взглядом.

– Нет, спасибо, я сама дойду, – отрезала она и с достоинством удалилась.

Эмброн и Тетос попытались убедить девушку в несомненных достоинствах своей компании, но она пропустила их льстивые замечания мимо ушей и быстро затерялась в толпе.

– Девицы в наши дни стали такие вспыльчивые, – заметил Эмброн.

– Наверное, это из-за мороза, – утешил напарника Тетос. – Нам всем нужно поскорее заделать эту дыру в куполе.

Пирра

Пирра выбросила из головы грубые намеки двух болванов и направилась к ближайшему подъемнику. Ее сапоги шлепали по наполовину замерзшей грязи первого уровня. После частичного разрушения купола городское дно, и раньше-то вызывавшее у девушки отвращение, стало еще уродливее. Улицы кишели людьми. Повсюду витал отвратительный запах – смесь мочи, пота и дыма. На кучах мусора сидели дети и жарили крыс, в то время как взрослые полулежали, привалившись к стенам, пережевывая оставшуюся у них смолу из синего лотоса, благо это вещество имело свойство подавлять аппетит, и люди таким образом на время забывали о пустых желудках.

Пирра перешла на заледенелый канал, легким движением руки создала два ледяных лезвия, мгновенно приставших к подошвам ее сапог, и покатила по льду на этих импровизированных коньках. У нее из головы не шла речь Силена. Она впервые увидела лемура с тех пор, как он напал на них несколько декад назад. Как и Ластианакс, девушка надеялась, что вспыхнувший в башне пожар прикончит это существо. Мысль о том, что бездушная марионетка использует тело ее бывшего преподавателя для служения Темискире, злила Пирру до глубины души. А теперь еще эта сказочка о налоге в виде анимы...

Тут и там на замерзшем канале темнели огромные пустые панцири, покрытые льдом, и Пирре приходилось лавировать между ними. В некоторых панцирях поселились нищие, закрыв отверстия для головы и хвоста тряпьем, чтобы защититься от мороза. Всего за месяц жаркое из черепашьего мяса стало национальным блюдом. Ни одна рептилия не пережила царившего в городе полярного холода.

Пирра еще несколько раз оттолкнулась коньками и направилась к подъемнику южного квартала. Механизм пришел в негодность. Задубевшие от холода веревки висели над пустотой рядом с огромным обледенелым водопадом, спускающимся из канала второго уровня. Во льду высекли ступеньки, чтобы люди могли переходить с уровня на уровень. Преступники взымали плату за проход, требуя по шесть борионов с каждого, кто хотел воспользоваться лестницей. Впрочем, бандиты нервничали: жители постоянно видели, как здоровяки озабоченно поглядывают на небо, словно настороженные сурки. Темискирцы ликвидировали кланы, контролировавшие караван-сарай, и было лишь вопросом времени, когда они разгонят тех, кто присвоил себе право взимать пошлины. Все пасовали перед их птицами рух.

Пирра заплатила тщедушному бандиту, надзиравшему за лестницей, и превратила свои коньки в кошки¹, чтобы не поскользнуться на ледяных ступенях. Отдуваясь, она забралась на второй уровень. Чуть позже пришлось проделать такой же трюк, чтобы попасть на третий и четвертый уровни, и все это время Пирра думала об Экстрактрисе и его обитателях.

С момента прибытия солдат-птицеловов лишь несколькими магам разрешили покинуть тюрьму. «Временная мера, в целях безопасности», – заявили темискирцы в ответ на вопросы семей, обеспокоенных судьбой своих близких. Пирра подозревала, что они выпускают только магов, лояльных по отношению к новой власти, таких как стратег.

Она с удовольствием обсудила бы сложившуюся ситуацию с Ластианаксом, но молодой маг еще не вернулся из своего безумного путешествия по Рифейским горам. Пирра старалась вообще о нем не думать, потому что при мысли о молодом человеке чувствовала себя преданной, вдобавок ее одновременно охватывали тревога и гнев.

И все же она жалела, что рядом нет единомышленника и никто не может вместе с ней придумать, как вытащить из тюрьмы около семисот магов. Девушка и так и этак билась над

¹ Приспособление для перемещения по вертикальным поверхностям (здесь – для передвижения по льду).

этой задачей, но пока не сумела выработать никакого мало-мальски приличного плана. Чем больше информации она добывала, тем неразрешимее казалась ей проблема.

Наконец Пирра добралась до крыльца своей двоюродной бабушки, все еще думая об Экстрактрисе. Она толкнула дверь и вошла в гостиную. Две сестры Пирры сидели возле импровизированной печки и препирались из-за меховой муфты. Тем временем мать девушек возлежала на элегантном диванчике, принесенном из их особняка на седьмом уровне, и жаловалась на жизнь. Как всегда, она вынуждала двоюродную бабушку посвящать ей все свое время, и старушка уже не горела желанием сострадать родственнице.

– Мой бедный муж до сих пор заточен в этой ужасной тюрьме... Мой дом в этот самый момент грабят эти мерзкие темискирские мужланы... Мои дочери лишены хорошего образования, поскольку вынуждены якшаться с нищими плебеями! – стонала мать Пирры, промокая глаза шелковым платочком. – Пирра! – воскликнула она, увидев девушку.

Очевидно, при виде дочери она испытала прилив сил и заголосила во всю мощь легких:

– Где ты была? Снова где-то бродила!

– Здравствуй, матушка, добрый день, бабушка, не обращайтесь на меня внимания, я зашла лишь на минутку, – скороговоркой выпалила Пирра, поспешно пересекая комнату.

Она выскользнула на балкон квартиры, старательно избегая зрительного контакта с родственницами, и, с облегчением переведя дух, закрыла за собой дверь. Теснота не шла на пользу ее семье: трудно уживаться в трех комнатах на четвертом уровне, после того как всю жизнь провел на огромной вилле седьмого уровня.

Пирра достала из внутреннего кармана пальто подозрную трубу и подошла к перилам. Прямо перед ней, примерно в пятидесяти шагах от башни, на которой находилась девушка, возвышался суровый силуэт Экстрактриса. Пирра поднесла окуляр трубы к глазу и направила прибор на вершину башни. Сидевшие там гигантские хищные птицы темискирцев смотрели на обитателей нижних уровней, как ястребы, готовые броситься на добычу. Пирра опустила подозрную трубу ниже и стала рассматривать узкие окна в стене на четвертом уровне. Через несколько секунд она нашла нужное окно.

Недавно девушка обнаружила, что благодаря невероятной удаче ее двоюродная бабушка живет прямо напротив камеры Петрокла. После отъезда Ластианакса лишь эта хорошая новость стала для Пирры лучом света в мрачных холодных буднях. Оказалось, что Петрокл жив; более того, девушке удалось наладить с ним связь.

Пирра использовала старую рекламу, нарисованную на внешней стене квартиры: благодаря печати, переставлявшей буквы в рекламе, она задавала вопросы, а затем дожидалась ответа Петрокла. Если молодой человек вешал оторванный от пурпурной тоги кусок в правой части окна, это означало «да»; если лоскут оказывался в левой половине узкой бойницы, это значило «нет»; наконец, если тряпица помещалась по центру, это означало «не знаю».

Конечно, такой способ общения делал обмен информацией долгим и утомительным, тем более что бойница в тюремной камере располагалась слишком высоко над полом, и Петрокл не мог постоянно смотреть в окно. Он был вынужден вставать на цыпочки, каждый раз рискуя привлечь внимание охранников. Повезло еще, что молодой человек уродился таким высоким: большинству его сокамерников пришлось бы воспользоваться какой-то импровизированной ступенькой, чтобы дотянуться до окошка.

Благодаря этой системе связи Пирра сумела многое узнать. Ее отец и все их бывшие одноклассники живы. Заключенных не пытали, но у них регулярно откачивали аниму, что было равносильно пытке.

Петрокл не знал, почему темискирцы держат магов взаперти, а также понятия не имел, собираются ли они рано или поздно освободить узников. Зато молодой человек, похоже, был неплохо осведомлен о внутренних порядках тюрьмы, поэтому недавние вопросы Пирры каса-

лись количества патрулей и их частоты. В последний раз она написала на стене: «Ночной обход камер – 30 мин.» Петрокл ответил ей, вывесив кусок тоги в левой части окна.

Раздраженная, Пирра сложила подзорную трубу и взобралась на выступ стены, с которого можно было добраться до рекламы. Она начертала на этой узкой опоре согревающую печать, чтобы не поскользнуться на обледеневшем камне. Малейшее неверное движение привело бы к головокружительному падению. К счастью, боязнь высоты Пирра не страдала...

Она изменила рекламу, на этот раз написав: «Обход камер – 20 мин.»

Вернувшись на балкон, она вытащила подзорную трубу во второй раз, надеясь увидеть в окне Петрокла, но его там не было. Разочарованная, девушка вернулась в квартиру, проигнорировала вопросы матери о том, почему она так часто выходит подышать морозным воздухом, кивнула двоюродной бабушке и вышла из квартиры.

* * *

Час спустя она поднялась на вершину города, где разгром сильнее всего бросался в глаза. Выбитые мародерами двери вилл зияли мрачными черными провалами. Диковинные растения висячих садов погибли от холода. От мороза многие акведуки взорвались, и в некоторых местах вместо каменных мостов остались лишь ледяные, ошетинившиеся сталактитами мосты.

Пирра снова создала коньки и покатила по ледяному мосту, пока не добралась до входа в главную библиотеку, сине-золотой купол которой теперь стал белым от снега. Внутри было теплее: стеклянные окна не пропускали в здание ветер. Многие мародеры приходили в библиотеку за топливом: целые полки с манускриптами исчезли, на их месте лежало лишь несколько разорванных листков. Пирра растопила коньки и пошла по проходам, стараясь не думать о том, сколько бесценных знаний оказалось пущено на ветер. Она забралась на леви- татор и поехала на дно атриума, скользя взглядом по эллипсам гигантской астролябии, занимавшей центр здания.

Самый нижний этаж библиотеки находился на четвертом городском уровне, там хранились древние архивы, некоторые из них относились ко времени основания Гипербореи. На пюпитрах было выставлено несколько древних свитков, защищенных печатями консервации. Остальные лежали плотно напиханные на высоких стеллажах, темными рядами протянувшихся в полумраке: этот лишенный окон этаж освещался лишь светом, доходившим сюда сверху, да немногими парящими сферами, грозившими со дня на день погаснуть.

Пирра стремительно зашагала по лабиринту проходов между стеллажами и в конце концов достигла точки назначения: подошла к круглой магическо-механической двери, за которой находились самые ценные и секретные коллекции библиотеки, в том числе планы Экстрактриса. У девушки ушла целая декада на то, чтобы расшифровать и изменить конфигурацию печати открытия. Она приложила руку к колесному механизму и активировала его. Створка открылась перед ней.

Пирра не успела осмотреть хранилище: ей навстречу метнулась фигуристая девушка с копной пышных каштановых волос.

– Ну, наконец-то ты пришла! – воскликнула Аспази. – Я тебя уже битый час жду, чтобы сообщить потрясающую новость. Ты не представляешь, как это ску-у-учно: ходить тут кругами весь день, в то время как ты отправляешься погулять. Подумать только, я присоединилась к тебе в этой крысиной норе, потому что ты сумела меня убедить, что освобождать магов – это весело...

– Я никогда не обещала тебе увеселительную прогулку, к тому же не пыталась ни в чем тебя убедить. Ты сама упростила меня взять тебя с собой, – перебила сестру Пирра и поморщилась. – Если уж тебе так скучно, можешь просто вернуться на четвертый уровень и присоединиться к матери и сестрам. Я тебя не задерживаю.

– О нет, там еще скучнее.

Пирра раздраженно вздохнула и, обойдя младшую сестру, вошла в хранилище. В облицованных деревянными панелями стенах расположились ниши, заполненные пергаментными свитками. В центре помещения стоял массивный стол, за которым можно было изучать документы, на столешнице лежала развернутая карта, а над ней склонился... Ластианакс.

Пирра замерла, не в силах вымолвить ни слова, у нее словно отнялись руки и ноги. Казалось, ее старый товарищ тоже внезапно окаменел. На его изможденном лице двигались только глаза, взгляд молодого человека перебегал от Пирры к карте, от Пирры к полу, от Пирры к книжным полкам, словно маг предпочитал глядеть куда угодно, только бы не на девушку.

Стоявшая за спиной Пирры Аспази жалобно протянула:

– Ну вот, я же говорила, что хочу кое-что тебе сообщить, но ты, как обычно, пропустила мои слова мимо ушей.

– Я только что вернулся, – вымолвил наконец Ластианакс, указывая на свои грязные после целого месяца странствий меха.

Кожа мага покраснела от долгого пребывания под солнечными лучами, отраженными от снега, волосы сильно отросли, а на подбородке темнела редкая бородка. Пирра еще никогда не видела его таким заросшим. Ее разум подмечал все эти детали, и в то же время ей в голову приходило множество противоречивых мыслей. Хотелось уйти, сжать Ластианакса в объятиях, рассказать ему обо всем, что случилось в городе после его отъезда, хотелось не обращать на него внимания, а еще спросить, что он повидал в Рифейских горах. Если бы Пирра могла проделать все это одновременно, то обязательно сделала бы это. Вместо этого она поинтересовалась холодным, строгим тоном, резко контрастировавшим с царившим в ее душе смятением:

– Где твоя ученица?

Ластианакс уныло склонил голову:

– Не знаю. Мне не удалось ее догнать. Думаю, я смог бы напасть на ее след, перевали мы через ледник, но проводник никак не...

– То есть ты бросил меня на целый месяц и ничего не добился? – перебила его Пирра.

В голове у нее прояснилось. Огромное облегчение от того, что Ластианакс вернулся живым и здоровым из своей немыслимой экспедиции в Рифейские горы, отступило на второй план. Теперь Пирре больше всего хотелось заставить юношу заплатить за потрясение, в которое ее поверг его внезапный отъезд, в то время как часть города лежала в руинах, а всех магов взяли в заложники.

Ластианакс пробормотал:

– Это была ошибка. Мне жаль. Следовало послушаться тебя.

Пирра хранила ледяное молчание, и молодой человек продолжал:

– Как только я увидел эскадрильи птиц рух, направляющиеся к Гиперборее, я постарался спуститься с гор так быстро, как только возможно. Мы чуть не потеряли двух овцебыков из-за...

– Приятно знать, что тебя беспокоит судьба двух бедных животных, – насмешливо заметила Пирра.

Ластианакс не ответил. Он выглядел до крайности изнуренным. Пирра вся кипела от злости; хотелось бы, чтобы этот индюк был пободрее, тогда она хорошенько его помучила бы, но пока что он лишь стойчески сносил все ее упреки, не пытаясь защищаться.

– Может, теперь, когда Ласти вернулся, мы все-таки сумеем всех освободить, – вмешалась Аспази, внимательно разглядывая свои ногти.

Пирра бросила на сестру гневный взгляд. Ластианакс тут же встрепенулся и ухватился за брошенную ему возможность восстановить свое доброе имя – так утопающий хватается за проплывающую мимо доску.

– Аспази рассказала, что ты ищешь способ попасть в Экстрактрис, чтобы вызволить магов...

– Да, и неудивительно, ведь это трудная задача, в одиночку с ней не справиться, – едко ответила Пирра.

– А я, выходит, стою здесь исключительно для красоты? – возмутилась Аспази.

Маги не обратили на нее ни малейшего внимания. Ластианакс смотрел на Пирру и едва заметно покачивался, было видно, что ему страшно неловко.

– Я рад, что с тобой все в порядке, – проговорил он наконец.

– Твоей заслуги в этом нет.

– Мне каждый день хотелось повернуть назад, – продолжал Ластианакс. – Ты не представляешь, как нелегко мне было идти вперед, ведь я постоянно помнил о случившемся в Гиперборее, что, если бы ты оказалась в опасности...

– Значит, нужно было просто вернуться!

Эти слова слетели с губ Пирры сами собой. На протяжении всего разговора она намеревалась хранить спокойствие, но бушующий в ее душе гнев внезапно вырвался наружу. Вокруг нее взвились в воздух листы пергамента, задрожала мебель.

– То, что ты бросил меня ради поисков своей ученицы, в то время как здесь все пошло прахом, это еще полбеды. Но как же Петрокл? Ты подумал о Петрокле? Он уже больше месяца заперт в Экстрактрисе! Как и мой отец! Как и все остальные маги! Ты нас всех бросил, Ласт!

С каждой новой фразой Ластианакс сгибался все ниже и ниже, будто слова Пирры причиняли ему физическую боль. Девушка закрыла глаза и постаралась подавить чудовищную обиду, копившуюся в ее душе на протяжении почти сорока дней, полных неуверенности и беспомощности. Бессмысленно и дальше обвинять Ластианакса. Пирра в последний раз презрительно поглядела на него, потом села в кресло и тяжело вздохнула.

– Как ты узнал, что я здесь? – спросила она.

На лице Ластианакса проступило облегчение. Он собрал разлетевшиеся по комнате листы, сложив их в небольшую стопку, и тоже сел в другое кресло, примостившись на самый краешек. Он двигался так осторожно, словно любой ценой вознамерился сохранить хрупкое перемирие, которое даровала ему Пирра.

– Незадолго до моего отъезда ты говорила, что в библиотеке можно найти планы Экстрактриса. Я подумал, что, вполне вероятно, найду тебя здесь. В противном случае я просто зашел бы в квартиру твоей двоюродной бабушки.

– Если ты ищешь, где бы переночевать, то бабуля будет рада приютить и тебя тоже, – проворковала Аспази.

– Он может пойти к своим родителям, – раздраженно отчеканила Пирра.

Она видела, что сестра рассматривает возвращение Ластианакса как прекрасную возможность пополнить список своих любовных побед романтической связью с беглым преступником. И, кажется, маг этого не осознавал.

– Стало быть, Силен вернулся вместе с темискирцами, – подытожил Ластианакс.

– Какая поразительная наблюдательность! – поддела его Пирра.

– Но магов из тюрьмы до сих пор не освободили, – продолжал юноша.

Пирра покачала головой, машинально собрала волосы и закрутила в узел на затылке.

– Некоторых все же выпустили: стратега и еще несколько подобных ему акул. Тех, кто не раздумывая присягнул на верность новой власти, – резюмировала девушка. – Остальных по-прежнему держат взаперти.

– Аспази сказала мне, что ты слушала выступление Силена, – добавил Ластианакс. – Что там было?

– Силен явился вместе с Ликургом и произнес торжественную речь, в которой расписывал прелести гиперборейско-темискирской дружбы, – устало проговорила Пирра. – Если бы не видела собственными глазами, ни за что не поверила бы, что к народу обращался лемур.

– Его хозяин сделал удачный ход, – мрачно заметил Ластианакс. – Раз он контролирует эпарха, Гиперборея скоро станет протекторатом Темискиры.

– Это еще не все, – вздохнула Пирра.

Она рассказала о налоге в виде анимы, который упомянул Силен. Ластианакс тоже озабоченно нахмурился. Пока старшие маги мрачно переглядывались, Аспази потихоньку пересела в кресло, стоявшее рядом с креслом молодого человека.

– Ласт, почему тебя так волнует эта история со сбором анимы? – поинтересовалась она и кокетливо захлопала ресницами.

– С помощью живой лазури, собранной с поясов амазонок, темискирцы смогут увеличить мощь машины, откачивающей у человека аниму... – начал юноша.

– ...и произвести огромное количество орихалка благодаря аниме гиперборейцев, полученной в виде налога, – сухо закончила Пирра. Она строго посмотрела на сестру, чтобы та перестала жеманничать. – Восстановление купола всего лишь предлог. С этим орихалком темискирцы удесятерят мощь своего оружия и станут непобедимыми. Гиперборея уже не сможет вернуть себе независимость.

– Любишь ты нагнать страху, сестричка, – протянула Аспази и зевнула. – И что мы теперь будем делать? Продолжим до скончания времен изучать эти планы? Вообще-то, твоя затея с освобождением магов – это...

Повисло неприятное молчание. Пирра смотрела на свои руки, боясь, что, если поднимет голову, собеседники увидят сомнения в ее глазах. Она думала о своем отце, о Петрокле, о других гиперборейских магах, ждущих спасения. Девушка отказывалась признать это вслух, но ее план, похоже, изначально был обречен на неудачу. Она одновременно чувствовала себя виноватой, потому что до сих пор ничего не предприняла, и испытывала беспомощность пред лицом стоявшей перед ней неподъемной задачи.

Вдруг ей в голову пришла одна идея. Сделанное Силеном объявление давало им вполне конкретную цель, достичь которой они могли при определенных условиях и которая могла иметь огромное значение для их сограждан и запертых в тюрьме магов.

– У меня есть новый план.

Алькандр

Алькандр в последний раз глянул на птиц рух, паривших под куполом. В синеве утреннего неба за радужным полукружием адаманта не появилось ни одного черного крылатого силуэта. Алькандр отошел от ограждения и бегом пересек широкую площадку, раскинувшуюся перед входом в Магистериум. Пентесилея и Меланефель до сих пор не вернулись. Их долгое отсутствие начинало беспокоить Алькандра. Он полностью доверял своей подручной, знал, что она достаточно сильна, чтобы справиться с Аркой, однако последняя не раз демонстрировала способности, о которых он не подозревал. В конце концов, он сам не смог удержать девочку, разве можно рассчитывать на то, что это сделает Пентесилея?

Он поднялся по ступеням Магистериума, с разных сторон обдумывая эту мысль. Мону-ментальные двери оставались открытыми с момента захвата заложников. У входа на вымощенном плиткой полу вырос толстый слой инея, испещренный следами сапог. Алькандр направился в одну из галерей, соединенных с атриумом, край его коричневого шерстяного плаща слегка касался плиточного пола. Плащ давил ему на плечи, как тяжелое ярмо. Алькандр ненавидел все, что символизировал этот предмет одежды: солдатский дух, косность, ревностное подчинение вышестоящим. Этот плащ накануне принес ему адъютант: таким образом Филон напоминал, что Алькандр должен ему повиноваться.

По крайней мере, униформа защищала его от гулявших под сводами Магистериума сквозняков. Солдаты-птицеловы, мимо которых он проходил, поглядывали на него с подозрением и толикой презрения. Рыжеватые перья, покрывавшие плечи плаща, указывали на принадлежность Алькандра к дипломатическому корпусу; никто толком не знал, чем занимается это подразделение, зато никто не сомневался, что туда пристраивают «сыновей известных особ», которые по определению являются бездельниками.

Алькандр задавался вопросом, как долго он будет извлекать пользу из этого статуса. После речи Силена отец едва переставлял ноги и дрожал как никогда прежде. Филон реквизи-ровал² для него отдельную виллу. Недавно Алькандр заходил его навестить: похоже, о Ликурге старательно заботились. Не получится обвинить Филона в намеренном подрыве здоровья правителя, место которого он вскоре рассчитывал занять. Казалось, теперь генерал относится к своему начальнику с удвоенной преданностью. Алькандр прекрасно понимал, откуда эта трогательная забота: Филон стремился обосновать законность своей будущей власти, показывая всем вокруг, что по духу является истинным сыном Ликурга.

Однако гиперборейцы пока не признали новую власть законной. По приказу Филона темискирцы заняли Магистериум и расхаживали по галереям с видом собственников. Алькандр чувствовал, как нарастает напряжение среди освобожденных из Экстрактриса магов, ведь им обещали высокие посты при новом политическом режиме.

Войдя в приемную, примыкающую к кабинету эпарха, Алькандр столкнулся с самым недовольным из них. Стратег громогласно выражал свое возмущение тем, что Силен до сих пор его не принял.

– Я единственный оставшийся министр Совета! Я пережил захват заложников! – разорвался маг. От крика его тонкие усики встали дыбом. – Я отказываюсь ждать под дверью простого преподавателя, который всю жизнь только и делал, что читал лекции прыщавым подросткам!

После пребывания в Экстрактрисе маг так сильно исхудал, что мускулы у него на шее напряглись, словно веревки, он насккивал на невозмутимого адъютанта, снова и снова требуя, чтобы его впустили. Адъютант держался стойко и не уступал: по просьбе олигархов Силена

² Отобрать в принудительном порядке на нужды государства.

извлекли из магики-лечебного чана раньше положенного срока, дабы «эпарх» произнес речь перед народом. Альяндр поместил лемура обратно в резервуар, чтобы он окончательно восстановился.

Потрясенный криками стратега, Филон вышел из кабинета и почтительно поприветствовал мага. Альяндр с интересом естествоиспытателя наблюдал, как генерал умасливает своего собеседника: «Грустно осознавать, что мой адъютант присвоил себе право отказывать вам в доступе в этот кабинет... Досадное недоразумение... Однако Силена здесь нет, после выступления на крепостном валу он нездоров... Он поручил мне заниматься всеми вопросами, касающимися включения магов в новую систему управления, а также сбора анимы у населения... Не буду от вас скрывать, Силен пока что не смог перерасти свою роль посредника... На мой взгляд, именно вы являетесь подлинным творцом восстановления этого прекрасного города... Итак, что вы думаете об этом предложении?..»

Еще через несколько минут стратег вышел из приемной, на губах его играла довольная улыбка, и это при том, что ноги его не было в кабинете.

– Другие маги не дадут вот так просто собой манипулировать, – предупредил Альяндр.

– Именно поэтому они еще какое-то время посидят в Экстрактрисе, – ответил Филон. –

А мы поглядим, кто из них готов слушаться и за какую цену.

– Что насчет тех, кого купить не удастся?

– Они столкнутся с большими жизненными трудностями. Идем, мы тебя ждали.

Филон открыл дверь кабинета и вошел внутрь, Альяндр последовал за ним. Письменный стол эпарха разместился под небольшим куполом на вершине башни, снабженным круглым застекленным окном. Адъютанты закрыли трапезиевидные окна в стенах тонкими листами адаманта, чтобы сохранить тепло. На круглых стенах висели полки из драгоценных сортов дерева, на них хранились трактаты о политике. Между полками в нишах стояли мраморные статуи Мезенса, предыдущего обитателя этого кабинета, так что казалось, будто тут собралось несколько копий покойного эпарха, застывших в горделивых позах.

Огромный письменный стол сдвинули к книжным стеллажам. Теперь его место занимала машина, состоявшая из стола, на краю которого помещался ошестинившийся трубками шлем. Трубки были подключены к большому медному перегонному кубу, змеевик которого заканчивался длинным металлическим стержнем, соединенным с латунным слитком. Прямо над слитком зависло ярко-синее лезвие, покрытое тонкими полосками орихалка, – казалось, оно вот-вот разрежет стержень. Вокруг этого прибора собрались четверо олигархов. Филон потер свои поросшие черным волосом руки друг о друга и кашлянул.

– Раз уж мы все здесь, предлагаю перейти к демонстрации, – объявил он.

Он сделал знак юному прыщавому пажу, стоявшему поодаль.

– Фретон, скажи солдатам привести наших морских свинок.

Мальчик стукнул себя кулаком по груди и поклонился. Когда он выпрямился, длинная светлая челка упала ему на лоб, закрыв половину лица. Было видно, что мальчишке хочется заправить волосы за уши, но он так и не поднял прижатые к бокам руки и строевым шагом вышел из кабинета.

– Это гипербореец? – поинтересовался один из олигархов.

– Сын предыдущего эпарха, – пояснил Филон. – Очень исполнительный и смывленный паренек. Я решил последовать гиперборейскому обычаю, согласно которому высшим магам положено брать себе учеников. Советую и вам поступить так же: местная аристократия оценит эту нашу попытку перенять их традиции, а главное, станет меньше упираться, коль скоро мы будем контролировать их отпрысков.

Олигархи согласно закивали. Один из них спросил Альяндра, собирается ли и он взять себе ученика.

– Я уже присмотрел подходящую кандидатуру, – кратко ответил тот, думая об Арке.

Филон подошел к странному агрегату и положил руку на перегонный куб.

– Вот прибор, изначально находившийся в местной тюрьме. Он позволяет производить орихалк при помощи анимы. Эта модель более мощная благодаря самородкам живой лазури, изъятых у наших дорогих воительниц. С этой новой машиной мы сможем получить столько орихалка, что легко захватим управление этим городом, окончательно приберем к рукам Напоку и покорим амазонок. Как только эта модель будет закончена, мы запустим ее на полную мощность.

– Кого будем использовать в качестве подопытных животных? – спросил один из олигархов.

– В первую очередь магов, – ответил Филон. – Каждого из них мы будем пропускать через эту штуку минимум раз в день. После сбора анимы они так устанут, что будут намного стоворчивее, и их станет проще контролировать. Однако на магах мы не остановимся. Как вы недавно слышали, дополнительно мы используем добровольцев, которые придут пожертвовать свою аниму на восстановление купола.

– Побочные действия откачки анимы быстро подточат энтузиазм горожан, – заметил Алькандр. – Вряд ли удастся долго соблазнять их раздачей бесплатной еды.

Филон с задумчивым видом похлопал по перегонному кубу.

– Верно, – ответил он. – Именно поэтому я предлагаю прибегнуть к военной хитрости.

Он взял стоявшую на столе деревянную коробочку и достал из нее коричневатый ком, похожий на кусок теста.

– Это жевательная смола из синего лотоса. Очень сильнодействующее одурманивающее вещество, которое производят из местного водного растения. Эта смола притупляет голод и погружает тех, кто ее жует, в приятную полудрему. Многие гиперборейцы пристрастились к этому веществу и сделают что угодно ради возможности его получить. Несколько дней назад мы уничтожили преступный клан, хранивший на своем складе самый значительный запас этой смолы в городе. Благодаря их запасам мы с легкостью убедим любителей жевательной смолы поделиться с нами анимой. Правда, эти доноры малочисленны и не переживут более трех-четырех откачек в силу своего плачевного физического состояния. Так что придется найти способ увеличить количество любителей этой смолы.

Он умолк и прошелся из стороны в сторону по комнате, задумчиво хмурясь и потирая подбородок, словно приглашал зрителей поразмыслить вместе с ним над решением задачи, которую сам же им и поставил.

– Когда начнут приходить добровольцы – а это случится уже в ближайшие дни, – я предлагаю выдавать каждому небольшое количество жевательной смолы. Таким образом мы достигнем сразу двух целей: процедура сбора анимы будет менее болезненной, а добровольцы станут зависимы от смолы, а заодно и от нас. Если все пройдет хорошо, через месяц четверть населения Гипербореи будет регулярно сдавать нам свою аниму.

Алькандр прислонился к стене рядом с одной из статуй Мезенса и наблюдал, как олигархи подходят к Филону и рассматривают смолу из синего лотоса. Он с отвращением вспомнил пристрастие Жеоргона к этой дряни и легкость, с которой он использовал магмеханика. Порабощение Гипербореи действительно будет бескровным, как и планировал Алькандр, но, похоже, в итоге оно окажется не менее смертоносным, чем захват Напоки.

– Воздействие этой смолы и впрямь настолько сильно? – поинтересовался один из олигархов.

– Предлагаю вам лично убедиться в этом, понаблюдав за нашими подопытными, – ответил Филон.

В ту же секунду в дверь кабинета постучали.

– А вот и они, – воскликнул Филон. – Войдите!

Створка отворилась, и в открывшийся проем вошло несколько темискирских солдат, конвоировавших троих верзил со звероватыми чертами лица: это были тройняшки из клана Лотоса. На их пожелтевших лицах блестели бисеринки пота. Все трое скользнули блуждающими взглядами по Алькандру, не узнав его, потом поглядели на машину для откачки анимы и усталились на коричневатый ком в руках Филона.

– Можете махать у нас перед носом этой штукой, сколько хотите, – проворчал Альси.

Однако его глаза так и впились в тестообразный ком.

– Это жевательная смола вашего производства, – ответил Филон, демонстративно перекатывая шарик между пальцами. – Товар высшего качества.

– Точно, это наша смола, вы должны ее вернуть! – рявкнул Альси.

– Охотно, – сказал Филон. – Вернем после того, как вы воспользуетесь этой машиной.

– Сначала дайте смолы, а потом посмотрим! – воскликнул Ари.

Филон выгнул кустистую бровь.

– Первый, кто воспользуется этим аппаратом, получит в два раза больше смолы, чем другие, – проговорил он.

Прошла секунда, а потом тройняшки одновременно бросились к аппарату, вопя и обмениваясь ругательствами. Альси отпихнул братьев и нахлобучил на голову шлем. В тот же миг по трубкам побежали потоки света и хлынули в перегонный куб. Алькандр с восхищением наблюдал, как в металлическом баке собирается ослепительный шар, который затем перетекает в медный слиток и наконец отсекается лезвием из живой лазури, приведенным в действие Филоном.

Раздался глухой стук: Альси рухнул на пол рядом с машиной. Его покрасневшие глаза резко контрастировали с мертвенной бледностью лица. Из носа бандита тонкой струйкой потекла кровь, капая в приоткрытый рот. Братья в изумлении склонились над ним. Между тем Филон достал из машины красноватый слиток и помахал им перед олигархами:

– Наша морская свинка отдала слишком много, но вот результат – орихалк. Как и было объявлено, первые слитки пойдут на ремонт купола: он нужен нам, чтобы выращивать голубой лотос и пополнить запасы жевательной смолы. Затем мы перейдем к производству оружия и доспехов.

Он повернулся к солдатам, державшим двух оставшихся тройняшек: бандиты таранились на безжизненного брата.

– Этого сбросьте с парашюта. Двух других оставьте, проверим на них возможности выжимки новой машины. Это всего лишь преступники, и они слишком много слышали. Гиперборея нас поблагодарит.

4

Заколоченная комната

Арка

На следующий день после прибытия в дом Темис Арку разбудили вопли двух черных какаду с радужными хвостами, сидевших на ветке над головой девочки. Ночью ей снился лес амазонок – на протяжении последних двух лет ее часто посещали подобные сны. Арка лежала в гамаке, глядя, как птицы лущат семена эвкалипта, и не сразу поняла, что это не сон и что она действительно находится в Аркадии. Вокруг шелестели под легким утренним ветерком листья. Пахло влажным мхом и лишайниками. В лесу слышались голоса тысяч зверей, просыпавшихся вместе с лесом, и время от времени в этот приглушенный хор вклинивалось конское ржание. Никогда еще грань между сном и явью не казалась такой зыбкой.

– Ты проснулась? Не слишком рано.

В дверном проеме, ведущем на террасу, появилась Темис, держа в руках дымящуюся миску. Арка села и протерла глаза, качая ногами над пустотой. Амазонка согнувшись подошла к ошкуренному бревну и поставила на него миску.

– Ложка сломалась, так что поешь руками, – проскрипела она, а потом вернулась в хижину.

Арка в одиночестве проглотила сваренную на кобыльем молоке кашу – традиционный завтрак амазонок, – погружая пальцы в миску. Помнится, она постоянно изводила Широн стенаниями, дескать, вечно мы едим одно и то же. Как она могла жаловаться? Приправленное воспоминаниями сероватое варево вдруг показалось девочке самым вкусным блюдом на свете.

Она с аппетитом доедала кашу, когда на террасу снова вышла Темис, неся в одной руке дурно пахнущее ведро. Амазонка поставила свою ношу прямо перед Аркой и схватила метлу, стоявшую возле стены домика.

– Когда спустишься, выльешь мой ночной горшок, – распорядилась она, принимаясь подметать террасу. – Я уже не такая гибкая, как прежде, могу спускаться по лестнице, лишь помогая себе обеими руками.

Сморщив нос, Арка наблюдала, как старая амазонка энергично орудует метелкой. В ее списке неблагодарных наставников Темис решительно потеснила Ластианакса. Ей вдруг стало остро не хватать вспылчивого мага. Девочка спрашивала себя, сможет ли Темис хоть немного заполнить пустоту в ее душе, оставшуюся после расставания с наставником, как сам Ластианакс заполнил пустоту, возникшую после смерти Широн.

– Как вышло, что я стала воспитанницей Широн? – спросила она ни с того ни с сего.

Амазонка продолжала подметать в прежнем мерном ритме.

– Широн должна была тебе рассказать, – ответила она.

– Она лишь сказала, что забрала меня из местечка недалеко от северных гор и что мой отец был гиперборейским магом...

– Тогда ты знаешь все, что тебе положено знать, – отрезала Темис, сбрасывая с деревянного настила кучу сухих листьев.

Она продолжила уборку, не обращая внимания на разочарованное выражение лица Арки. Девочка отнесла миску в комнату, бормоча себе под нос: «Старая коза». До сих пор ей еще не случалось бывать в жилище Темис, и теперь она с интересом оглядывалась по сторонам. Свет утра прочертил золотистые полосы по темному деревянному настилу и толстым ветвям дерева, протянувшимся прямо через комнату.

Помещение было простым и безыскусным, как и его владелица: в одном углу – бадья с водой, в другом – какое-то ржавое оружие; на полках вдоль стены выстроились горшки с припасами и запечатанные воском амфоры. Дальняя стена представляла собой перегородку, в которой имелось две двери: за одной, закрытой циновкой, очевидно, находилась спальня Темис, другая была закрыта несколькими досками.

Заинтригованная, Арка положила миску в корзину с грязной посудой и крадучись подошла к заколоченной двери. Учтя скромные размеры хижины, удивительно, что Темис пожертвовала целой комнатой. Девочка привстала на цыпочки и заглянула в щель между досками. Ее взгляду открылась крошечная комнатка. От времени соломенная крыша прохудилась, и в образовавшиеся дыры могли проникать дождь и залетать птицы. На полу в нескольких местах белели кучи птичьего помета, несколько досок вообще провалились в пустоту. В остальном это место выглядело нетронутым с тех пор, как живший здесь когда-то человек ушел. Посередине комнаты болтался побитый молотом гамак, полный сухих листьев. На стене висели потрескавшийся кожаный ремень и короткий лук с растянутой тетивой, рядом прилежили пыльные полки, заполненные разноцветной галькой. На сундуке с одеждой стояла маленькая лошадка, не слишком умело вырезанная из куска дерева. На полу валялись и другие фигурки из веток и конского волоса, наполовину присыпанные гнилыми листьями. Арка недоумевала, откуда в хижине Темис взялась детская комната. Она никогда не слышала, чтобы у амазонки была дочь.

Озадаченная, Арка отошла от двери и вернулась в угол жилой комнаты, отведенный под кухню. Мухи вылетели из корзины с посудой, когда девочка подняла ее, чтобы отнести на террасу. Снаружи Темис закончила подметать и сдвигала с места бревно – те с неприятным скрипом скользили по дощатому полу. Очевидно, старая амазонка почувствовала, как сильно Арка разочарована ее предыдущим ответом, потому что сказала:

– Я никогда не видела твоего отца, если тебя это интересует. Однажды Широн вернулась с охоты с орущим младенцем на руках. Это была ты. Она преследовала элафа на краю леса и столкнулась с молодым магом, который нес новорожденного. Маг сказал, что ты дочь Меланиппе, и спросил, не сможет ли Широн о тебе позаботиться. Широн только и успела вымолвить «да» и взять тебя на руки, а маг тут же исчез. В любом случае это все, что она мне рассказала.

Эти объяснения ничуть не утолили любопытство Арки, напротив, лишь породили у нее новые вопросы. Кем был тот молодой маг? Это не мог быть повелитель лемуров, ведь он, по всей видимости, предпочитал не заходить в лес амазонок. Это не мог быть и сам лемур, потому что он подчинялся своему хозяину. Пока Арка ломала голову над тем, кто же принес ее к Широн, когда она еще была грудничком, Темис в последний раз передвинула бревно и разогнула свою сгорбленную спину, так что отчетливо слышался хруст позвонков. Амазонка взяла метлу и принялась выметать сор, скопившийся под бревнами.

– Ты была худой, – продолжала Темис. – Поскольку никто не мог кормить тебя грудью, знахарки сказали, что ты не проживешь и декады. Но Широн не сдавалась. Она кормила тебя смесью собственного изобретения: кобыльим молоком с добавлением толченого овса и сока элафор. Она разжевывала все это, а потом вкладывала тебе в рот. Меня пугало такое самопожертвование: в то время Широн была сама не своя. Я боялась, что ты помрешь и она не оправится от этого удара, но ты выжила, и я тебе за это благодарна. Хотя лучше бы ты не была таким болезненным ребенком. Ты вечно орала как резаная... Я терпеть не могла детский плач, поэтому редко навещала Широн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.